

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

Выпуск 2/2024

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 / 2024

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2024

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки : электронный научный журнал / учредитель и издатель Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет ; редакционная коллегия : А.А. Краузе (отв. редактор выпуска), С.П. Парамонова, Н.Л. Габриель (ответственный секретарь). – Пермь, 2024. – Выпуск 2. – ISSN 2308-7196. – URL: <http://vestnik3.pspu.ru>. – Текст : электронный.

В данном выпуске ведется обсуждение актуальных проблем гуманитарного знания, его влияния на современное общество. Авторами исследуется запрос на междисциплинарный подход в современной науке, познавательные ориентиры и ценности гуманитарных наук и современного образования.

Адресовано ученым, аспирантам и студентам, специализирующимся в области социально-гуманитарного познания.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА ПГГПУ:

М.Б. ПЕРФИЛЬЕВА – д-р социол. наук, проф. РГПУ им. А.И. Герцена; ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)

Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)

С.П. ПАРАМОНОВА – доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук ПГГПУ; кафедры социологии и политологии ПНИПУ

Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись Роскомнадзора серии ЭЛ № ФС 77–78185 от 27.03.2020

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 270-04/2014 от 28.04.2014

Издание зарегистрировано как сериальное сетевое в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre), ему присвоен международный стандартный сериальный номер ISSN 2308-7196

Сайт журнала «Вестник ПГГПУ». Серия № 3 «Гуманитарные и общественные науки»:

URL: <http://www.vestnik3.pspu.ru>

Префикс DOI: 10.24412/2308-7196

Электронная почта журнала для отправки статей: krauze@pspu.ru
Издается по решению редакционно-издательского совета ПГГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

I. Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания и его значение в общественной практике.....	4
<i>Парамонова С.П.</i> Культура и общество.....	4
<i>Амелькина О.В.</i> Развитие идеи регуляции социального взаимодействия в социологии.....	25
<i>Борисов А.Д.</i> Теоретические основы общественного самоуправления в истории общественной мысли.....	39
<i>Шаяхметова Л.А.</i> Философская рефлексия: первое, что необходимо, последнее, что остается.....	47
<i>Быкариз А.И.</i> Философские подходы к науке о прокурорской деятельности	54
<i>Дьяков Е.Д.</i> Социальное время и пространство действия современных студенческих отрядов.....	64
II. Роль духовно-нравственной сферы в инновационном развитии общества.....	81
<i>Краузе А.А., Шуминская С.И.</i> Проблема духовно-нравственного воспитания в современной образовательной среде	81
<i>Габриель Н.Л.</i> Знание истории в системе патриотического воспитания.....	93
<i>Шаяхметова В.Р.</i> Перспективы и риски цифровой трансформации образования	100
<i>Шишигин А.В.</i> Крепкая семья как традиционная ценность и недостижимый идеал	108
III. Актуальные вопросы исторической науки.....	118
<i>Новоселов П.А.</i> Метод исторических аналогий при изучении вопроса о роли органов государственной безопасности России в периоды системных кризисов 1917 и 1991 гг.	118
<i>Смертин П.Р.</i> Антропология в российской номенклатуре научных специальностей	128

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

УДК 34:165

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-4-24

Парамонова Светлана Павловна

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и общественных наук

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Пермь, Россия

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: spp45@mail.ru

профессор кафедры социологии и политологии

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Пермь, Россия

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Svetlana P. Paramonova

Doctor of Philosophy, Professor

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

614990, Perm, Sibirskaaya, 24

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

614990, Perm, Komsomolsky, 29, e-mail: spp45@mail.ru

CULTURE AND SOCIETY

Аннотация. Представлено три блока проблем по определению культуры и общества: 1. Вопросы материальной и духовной культуры. Содержание литературных течений как индикатор ситуации в обществе. 2. Роль номенклатуры в торможении пионерных исследований российских инженеров, системщиков, медиков. Противоречие между производством и распределением. На весах истории приоритет идеологии либо материальных ценностей. Роль субъекта истории – влияние на социальный процесс. Комплекс военно-политического, идеологического, торгового и политического факторов – формообразующих сторон общества. 3. Уровень сложности анализа теории общества в целостном понимании современного российского общества.

Ключевые слова: духовная культура, роль субъекта истории, гуманитарное знание.

Abstract. The article presents three blocks of problems to the definition of culture and society: 1. Issues of material and spiritual culture. The content of literary movements as an indicator of the situation in society. 2. The role of the nomenclatura in slowing down the pioneering research of Russian engineers, systems specialists, and doctors. The contradiction between production and distribution. On the scales of history, the priority of ideology or material values. The role of the subject of history is to influence the social process. A complex of military-political, ideological, trade and political factors - the formative aspects of society. 3. The level of complexity and simplicity of analysis of the theory of society in a holistic understanding of modern Russian society.

Key words: spiritual culture, the role of the subject of history, humanitarian knowledge.

Большинство наших идей имеет исторический характер; культурные навыки, как следствие усвоенных в обществе идей, институционализируются и носят автоматический характер. Социальная реальность, тождественная нашему «общему», или «коллективному», сознанию, имеет свою специфику.

Основополагающий мотив нового социалистического общества состоял в следующем: мы создаем новое индустриальное производство и новые коллективистские отношения в обществе. Поднимающееся из руин Гражданской войны советское общество ориентировалось на равенство, социальную справедливость, аскезу в образе жизни. Социально-психологическим трендом общества был новый для истории страны энтузиазм. Однако подъем народного самосознания и тяжелый физический труд в процессе создания самой молодой промышленности мира требовал упорядочения институционализации трудовых и социальных отношений. Новый институционализм предполагал неэкономические предпосылки экономических действий. От людей труда, науки, искусства, организации и управления ожидалось подвижничество. С одной стороны, успехи строительства промышленной базы основывались на дешевой рабочей силе, как отмечают сегодня экономисты, а с другой стороны, без развитой инструментальной базы ученые и педагоги работали безгранично по времени, поднимая науку и массовую культуру общества. Однако без адекватной оценки труда накапливалась психологическая и физическая усталость трудящегося человека. Литература отражала этот период работами А. Платонова, К. Паустовского, Н. Островского, В. Пановой и др.

Ключом к пониманию развития служит меняющийся общественный фон, прежде всего судьба классов и общественных групп, которые выступают носителями новой социальной реальности. Идеология, как продукт деятельности лидеров, является специфическим индикатором самочувствия и самосознания людей. Мы полагаем, что, с одной стороны, мышление едино, а с другой – дискретно. По Дюркгейму, люди не могут мыслить в одной парадигме. Проблема в общем социальном фоне, но индивидуальные носители образов жизни преломляют общественные идеи в зеркалах своих жизненных обстоятельств.

Кризис позднего этапа социализма в советской России обнаружил различие интересов социальных слоев и групп. Всякое исследование изменений в мышлении должно начинаться с описания, касающегося более чем одного слоя общества. Проблема была в невысоком уровне организации сельскохозяйственного производства. Изменения в сельском хозяйстве обусловлены революцией сверху. Проявлялись негибкие формы оценки труда и распределения в промышленности, научной и социальной сфере. Ожидания людей отразились в художественной литературе. Способ мышления каждой определенной сферы выражался в трех основных течениях литературных направлений.

Заставляет задуматься заявление А.И. Фурсова о том, что теория «развитого социализма» не была создана в общественной науке. Вместе с тем в стране выпускались основные философские, социологические, экономические, социально-психологические журналы, регулярно проводились конференции по проблемам развития общества, шел энергичный обмен идеями, производственным, организационным и педагогическим опытом. Развивались научные школы в Новосибирске, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Перми, Тюмени, обеих столицах, на Дальнем Востоке. Период отката от идей и устоев социализма представлен общественности в социально-политическом анализе А.И. Фурсова. Данному анализу мы предпослали системную социально-философскую теорию коллективистского общества, разработанную З.И. Файнбургом.

Перелом в истории страны (1991 г.) произошел за десять лет до появления на свет современного поколения студентов. Людям старшего поколения есть что

сравнить в прошлом и настоящем, а молодежь сегодня знакомится с духовной жизнью общества по учебным курсам, дополнительным заданиям, книгам, роликам в Интернете и фильмам. В апрельском интервью 2024 г. А.А. Проханова А.И. Фурсову выявляются три позиции в литературе, отражавшей общественное устройство СССР/России: 1. Сторонники нового, переломного пути после революции 1917 г. – писатели М. Шолохов («Тихий Дон»), М. Булгаков («Бег»), А. Чаковский («Блокада»). Их произведения входили в школьную программу по литературе. 2. Так называемые деревенщико. Эти писатели критиковали советскую власть за то, «что сотворили с деревней». 3. Направление, возглавляемое Ю. Трифоновым, показавшим культуру городского «среднего слоя», ущемленного в своих ожиданиях, не подтвердившихся высоким благосостоянием; отсюда началось течение, которое развилось впоследствии в либеральную прозу, критику внутренней политики Советского Союза. С 1970-х гг. шло раздвоение ценностей в обществе: у одних – служение стране, у других – неприятие ценностей, сложившихся в обществе. А.А. Проханов отметил о себе, что после участия наших войск в борьбе с талибами в Афганистане его интересы привлекли слои общества, участвующие во внешней разведке, и слои технократов страны.

Можно заметить, что в это время Артур Хейли вышел на литературную арену с рядом «производственных романов», характеризующих социум США; у нас выходили переводы его романов «Колеса», «Аэропорт», «Отель». А. Фурсов предложил определить у нас «аэропортовский» тип личности, описанный критиком Нелли Зоркой: «...“душевный аэропортовец” в российских реалиях – это образованный, ориентированный на себя человек, в его стиле – самообожание, искренняя ненависть к стране, идеал – оранжереинность, комфортность существования» [2].

Речь в интервью пошла о том, что в течение 2–3 лет «перестройки» писатель почувствовал: началось стремительное уничтожение ценностей и отношений централизма в государстве. К этому процессу разрушения присоединились деятели литературы, музыки, графики. В писательском творчестве с горечью

определилось А. Прохановым понимание «точки невозврата» к прошлому общественному устройству. Писатель напоминает, что 30 лет назад он предсказал распад СССР, опубликовав в 1990 г. статью «Трагедия централизма». (Следует заметить, что тяготеющий к сталинской модели социализма писатель, главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов, лояльный к власти оппозиционер, удостоен правительственной награды – ордена Александра Невского «за активную общественную деятельность»). Писатель ищет надличностный смысл в понимании истории, метафизику консолидации, где заканчивается действие закона, но не заканчивается объект познания. Он считает, что по синусоиде истории Россия переходит от русского ада к русскому раю.

Заметим, что роль личности в истории – это не абстрактные темы курсов по истории, литературе и социологии, это – отражение потребности общества в выдающейся личности на гребне истории, ибо в нижней амплитуде состояния общества ни технические достижения, ни разработки в гуманитарной науке не востребованы правящей элитой. А. Фурсов выразил свое впечатление от встречи М. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике: у Горбачева выявилось страшно потерянное лицо сломанного человека, поскольку им совершилось страшное злодеяние – сдача защиты страны – сдача боеголовок Соединенным Штатам. Политолог обобщил: «Горбачев сдал все». Вокруг Ельцина, перехватившего власть, вращались те же советники, что и вокруг Горбачева: арбатовы, бовины, шахназаровы. Самого Э. Шеварднадзе курировал агент из Гамбурга. «Ельцин реально думал, что он решает вопросы с Клинтоном... Клинтон все решает. И если у него попросить или его попугать, то все можно решить» [1, с. 8]. Когда же он понял, что сдал страну, тогда оставил вместо себя Избранника.

Теория контингентности развернулась в определении социально-политической парадигмы А. Фурсова в трактовке советского социализма, где персоналии в своем поведении не просто руководствуются нормами и правилами – они сами формируют эти нормы и правила в совершенно конкретных ситуациях и условиях. Рассматривая проблему «современная социологическая теория рос-

сийского общества», Андрей Ильич заявляет, что теоретической системы общества «реального социализма» нет. Он сам попытался дать следующее понятие общественному строю и его политической организации: «крато-кратия» – в противоположность критикам «реального социализма», утверждавшим категорию «азиатского способа производства» для описания строя в Советском Союзе с тем, чтобы приравнять социализм к традиционализму и отрицать модернизацию общества. Марксов термин, применявшийся для описания восточных деспотий, в превращенной форме применялся политологами Запада, а затем и либералами у нас в стране для характеристики советского социализма [4].

По верному замечанию А. Фурсова, «советский социализм» с 1917 г. несет в себе двойное отрицание: самодержавия и капитализма – отрицание того и другого общественного устройства. Тоталитаризм Муссолини в Италии и Гитлера в Германии существенно отличается от сталинского тоталитарного режима: первые означают идеологию буржуазии, последний – идеологию трудящихся, рабочих и крестьян. Затем З. Бжезинский приравнял советский и германский тоталитаризм. Однако здесь различны формы собственности: с одной стороны – частная, с другой – общественная; кроме того, эта схема для сравнения форм *власти* не работает.

На взгляд А. Фурсова, теоретический анализ социальных процессов следует вести, используя метод развертывания противоречий. Иначе, как возможно двигаться в анализе общества? Понятие «этократия» к советскому строю также не подходит. Государство-кратия – включает собственность, базисные отношения. Маркс отмечал, что понятия «рента» и «собственность» совпадают, но на первом этапе коммунизма собственность не полностью принадлежит государству. Точно так же понятие «этократия» для определения «развитого социализма» как типа социального устройства общества не подходит.

В продолжение идеи о политическом устройстве общества речь политолога идет о следующем. Обычно студенты никогда не говорят о КПСС как о «корпорации публичного права». Суд над КПСС невозможен. Является ли КПСС юридическим лицом? Нет. В советском гражданском праве не обозначено.

С понятием «партократия» масса проблем в науке. В Уставе КПСС сказано: *КПСС – высшая форма общественно-политической организации советского общества*. Государство и общество направляют деятельность на строительство коммунизма. Что при этом создавалось: а) либо вещественные факторы производства, б) либо духовная культура вне процесса производства? В советском обществе принято: КПСС – ядро советского общества. Партийная организация имеет право контроля на промышленном предприятии. Собственность может отчуждаться только коллективно.

Маркс указывает на распределение факторов производства: земли, фабрик. Что присваивала номенклатура? Ю.Н. Афанасьев, ректор РГГУ, считал, что природное и созданное трудом богатство поколений являлись государственной собственностью, ею распоряжалась номенклатура. Маркс подчеркивал: при смене типа общества утверждается не кража собственности, а распоряжение собственностью государством. В Китае чиновничество находится между народом и властью, но не владеет собственностью.

В 1960-е гг. наметилось противоречие между идеологией равенства (духовностью) общества и дифференцированной коллективностью правящей элиты (мерой распределения ею материальных благ по слоям общества). Определяющий нравственность личности фактор аскезы уступил фактору статусного потребления. В системе перестает существовать феномен страха, а отсюда и уход от самоценности аскезы в сознании и поведении правящих кругов в сторону материальных интересов, но это влияет на отношения и ценности в низах общества.

А. Фурсов продолжает анализ невысокой культуры управления: был горизонтальный застой в перемещениях номенклатуры. Министра химико-технологической промышленности могут поставить министром кинематографии. По краям коллективов расположились: с одной стороны – материалисты-неосталинисты, с другой – советские либералы, которые хотят иметь возможность выезда за рубеж, получать большую ренту по рангу.

На XXII партсъезде провозглашалось, что целью социалистического общества является наибольшее удовлетворение материальных потребностей граждан.

При этом не было создано такой материальной базы, чтобы иметь столь высокий уровень потребления всего общества. И нет возможности создавать материально-техническую базу при том уровне номенклатурного контроля творческих слоев. Разрешению этого противоречия препятствуют *распределительные установки номенклатуры*. Критерий при нарастающих возможностях производства – добычи нефти и газа остается прежний, но распределением занята номенклатура, а именно жестко определяется, что положено иметь и получать каждому члену общества в соответствии со статусом. Итак, как и многие другие обществоведы, А. Фурсов придерживается основного противоречия социалистического общества: противоречия между *производством и распределением*.

В духовной жизни общества наметилось противостояние. Идет борьба журналов «Новый мир» против журнала «Октябрь». Федор Раззаков отразил это противостояние позднее в работе «Развал СССР: от конспирологии до геополитики» [7]. Власть распределилась по краям номенклатуры на позиции «Горбачев – Явлинский». Социальная гомогенность общества равенства разрушена: *власть – наверху, народ – внизу*.

Как историк и политолог, А. Фурсов задается следующей проблемой: что находится выше в социалистическом обществе: *закон над властью* либо *власть над законом*? Учебник права или источник права? Партия? Горбачев объявил советскому народу, что взят курс на переход к рынку в сфере социально-экономических отношений. КПСС обществом не защищена. Собственность, направленную прежде на социальные программы, перевели в различные фонды и ассоциации: «Фонд Горбачева», «Фонд РФФИ». Власть возобладала над законом.

Заметим: людям, знакомым с социологией и политологией, известно, что, по М. Веберу, в обществе должны быть три независимые ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. А. Фурсов продолжает анализ ситуации. Решения ведомства, министерства, власти идут из центра на периферию. ЦК КПСС – координатор внутривластных отношений. Сталин задавил инициативы «региональных баронов» на наследование власти по родству. Р. Эйхе и П. Постышев предлагали на местах провести альтернативные выборы. Однако были

высказаны опасения, что перед выборами выдвинут «сыновей», за это и проголосуют на местах, в то время как главы обкомов будут иметь лишь 50 % мест. Н. Хрущев стал бороться с антипартийной группой. Централисты – неосталинисты и «региональные бароны» пошли на блокировку с либералами.

Существенное структурное уточнение проведено А. Фурсовым относительно коллективности социалистического общественного устройства: в социально-политической структуре ядром социалистического общества был *производственный коллектив* (лишь пенсионеры располагались и закреплялись по месту жительства). Сталин сделал разделение: промпроизводство и сельское хозяйство предоставлены министерствам, а партии предлагались вопросы идеологии и пропаганды. Г. Маленков в период после Сталина решил возглавлять Совет Министров (партия отодвинута). Он хотел убрать ведущую роль партии, однако это – несущая структура, хребет социалистического общества. Перевес в игре политических сил оказался на стороне Н. Хрущева. Берию убирают, с этим гибнет и госбезопасность.

Противоречия между идеологией государства и развитием процесса производства можно было регулировать в нормальном режиме – между производством и распределением, а также управлять соотношением – приоритетами идеологической власти и хозяйственной номенклатуры. Н. Хрущев пытался провести реформы управления, ввел территориальные совнархозы: промышленные и сельскохозяйственные, при этом неясно было место партийного управления.

Ю. Андропов задал вопрос обществоведам: «Если производственные отношения выше по формации, то в чем преимущество социализма перед капитализмом (наше перед американцами)?» [4]. На данный вопрос в круге В.А. Вазюлина (МГУ) не ответили, ушли за рамки идеологии. Верный оптимистичный вывод сделал А. Фурсов: СССР мог оставаться «анти-капиталистическим обществом»: этому мог способствовать принцип введения *нового кибернетического управления: новой энергетики, соединения нужд обороны с развитием предприятий* (при условии, если бы проект состоялся). Однако приходится констатировать с сожалением тот факт, что номенклатура и административный аппарат страны

на том уровне не были в состоянии оценить перспективные для СССР разработки академика В.М. Глушкова – общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации (ОГАС). Давление на В.М. Глушкова шло с двух сторон – изнутри страны и извне (из США). И.С. Филимоненко предложил *холодный термоядерный синтез* (он лежит в основе современных мощных установок «токамаков»). При его использовании нефть была бы в такой мере не нужна. В.П. Демихов первым произвел пересадку сердца в 1945 г. Документы об открытии этого достижения оказались в Англии и ЮАР. Академик В.А. Челомей придумал *интегрированный наступательный космический комплекс*. Автопилотный беспрограммный комплекс Н.И. Ткачева подарили американцам в 1991 г. Программа пилотируемого комплекса «Алмаз» потеряна. Были попытки соединить большие компьютеры с большими часами, это позволяло осуществить перевод электроэнергии в ночные часы. Достижения ученых советского периода: Ж. Алферов – создатель теории полупроводников, В. Глушков – основатель Института кибернетики. *Однако капитализмом осуществлен маневренный перехват исторической инициативы* (у отечественной номенклатуры).

В 1960-е гг., после полета Ю. Гагарина, планировали навигации на Луну, Марс, альфу Центавра. В 1960-е гг. наметился оптимистический прыжок в будущее: «Возвращение со звезд» А. и Б. Стругацких, «Час быка», «Лезвие бритвы» и «Туманность Андромеды» И. Ефремова. В эти годы престижно было учиться в инженерно-технических вузах. Но затем началась переориентация «золотой молодежи» на учебу в МГИМО, Институте Мориса Тореза. СССР превращался в «пост-капиталистическое» общество. А. Фурсов определил откат от социализма как предательство *власти*, идеологически бесконтрольных элит.

Одновременно в 1970–1980-е гг. на Западе, в *Тавистокском институте человеческих отношений* (Великобритания), разрабатывались программы о том, как понизить уровень оптимизма среднего класса в развитых странах. В это время, после обращения к Советскому Союзу за помощью лидера Афганистана Наджибуллы, армия призвана воевать с талибами. Начиналась освободительная война в знак «пролетарской солидарности» при Л. Брежнев, а выводили войска

при Ю. Андропове. В 1970-е гг. армию по престижу в соцструктуре страны отвели на второй план.

Пришли нефтяные деньги – 50 трлн руб., часть их осталась в западной экономике, часть – ушла в теневую экономику, часть – на военные нужды. Международный торговый отдел ЦК КПСС возобладал над идеологическим. Деньги пошли мимо секретарей ЦК КПСС. В результате, как свидетельствуют «Дневники Черняева», возникла команда тщеславная, коррумпированная [8]. При М. Горбачеве организовали Венский университет международных исследований. С заявленной перестройкой в этом университете социология «перевербовывалась» на другие ценности и интересы. Если в период становления социализма в условиях непризнания СССР странами Запада послы Л.Б. Красин, М.М. Литвинов, И.М. Майский, как и советское руководство, служили стране, то в истории XX в. появилась «сделочная команда» – М. Горбачев, Б. Ельцин. Мир изменился. Общий вывод А. Фурсова: Россия и капитализм несовместимы.

А. Фурсов пришел к выводу: «Утопили прогрессивную систему». Запад переиграл советскую *элитку*. Нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев прилетал из США убеждать Б. Ельцина не переводить СССР на монетарную систему, заявлял, что не нужно менять строй. Однако уже в 1989 г. обозначилась «точка невозврата».

Неполная теоретическая ясность с производством и потреблением привела к противоречию: в Советском Союзе номенклатура институционализовала присваивающую функцию. Произошло разграничение сфер влияния власти и закона. Отношение к праву – это проблема социальных отношений (но не культуры). В период кризиса вероятность столкновений в обществе существенно возрастает. Возможности строя можно обернуть в практику подъема общества на новую ступень развития, однако препятствием – «неучтенным фактором» были колоссальные потери творческой и партийной элиты. Такие факторы, как Первая мировая война, революции, Гражданская война, репрессии, усиливали властные полномочия в обществе.

Противоречие между новым слоем – инженерно-техническими кадрами, изобретателями и номенклатурой (а она «долбила» творческие слои). В середине 60-х поддержку инженерам оказывал неосталинист А. Шелепин. Однако номенклатура торопилась захватить государственную собственность. *КПСС была субъектом, представлявшим население страны.* А. Фурсов дает оптимистическую оценку прошлого: Советская Россия обходилась без разнообразия политических партий, а свобод было больше, чем у человека на Западе.

Б. Ельцин провел департизацию производственных коллективов. Партийные организации выведены за пределы фабрик, заводов, медучреждений, вузов. *Власть поставлена выше идеологии. Это вызвало деградацию системы.* Советский Союз – первое антисистемное капитализму общество. При этом на первой фазе коммунистической формации отношения носят социалистический характер, вместе с тем производственная база еще остается такой же, как капиталистическая, а точнее, является госкапиталистической.

Подводя итог, отметим следующее: характеристика устройства страны в советский период несла множество непоправимых противоречий, граничащих с предательством национальных интересов страны. Многое зависело от теоретической и организационной культуры правящих слоев, обозначаемых сегодня «элитой». Движение по наклонной, утрата завоеваний коллективистского строя – все это обусловлено низкой социально-гуманитарной культурой властвующей элиты и невысокой самоорганизацией масс. Ценным подходом А.И. Фурсова явилась постановка вопроса о движущем противоречии социализма. Движение общества по линии прогресса включает элементы регресса, в т. ч. вскрытые негативные противоречия.

Если А. Фурсов представил траекторию социально-политических дискурсов по вопросу «развитого социализма», то З.И. Файнбург представил социализм в ключе систематической социально-философской теории. Вопрос о роли личности в истории поднимался в обществоведении не однажды. В данном контексте вопрос о роли личности в истории З.И. Файнбургом обоснован как *механизм религиозноподобного сознания масс и культа личности, установившегося на этапе*

раннего социализма. З.И. Файнбург рассмотрел закономерность и случайность «культы личности» со стороны объекта и субъекта истории. Объективные условия – религиоподобное отношение (в основном крестьянских масс) к лидеру. Но и вождь, как личность, не препятствовал этому уровню веры и поклонения. Конкретно-историческая работа «Не сотвори себе кумира» З.И. Файнбурга показывает меру реализации теории марксизма в начальном периоде социализма. Такой этап переживают все страны со средним уровнем развития производства и преобладанием веры в сознании масс в личность при переходе к социализму. Впервые социальным мыслителем дано полное систематическое и системное описание переходного периода. Иные авторы рассматривают работу «Не сотвори себе кумира» лишь как историю советского периода, хотя в ней дан анализ этапа всемирной истории перехода общества к социалистическому пути развития на раннем этапе его становления (продолжается в Китае, Вьетнаме).

К. Маркс разработал теорию зарождения, развития и отмирания капитализма. В.И. Ленин применил теорию Маркса к революциям на Востоке и для начала строительства социализма в переходный период. Он интерпретировал марксизм применительно к нуждам победы революции в исторически отставшей в промышленном развитии в стране, в которой задачи первой промышленной революции не были решены, были лишь такие острова промышленности, как С.-Петербург и область, Москва и область, Урал с металлургическим производством, нефтедобыча в Баку и нефтепромыслах вокруг. В стране преобладало крестьянское население. До прихода к власти большевиков Россия была привязана к сельскохозяйственному производству. И кроме воли пролетариата (его партии) было немного предпосылок социализма в полукапиталистической, полуфеодальной стране (хотя и с «репетицией» – революцией 1905 г.). Ничто не указывало на то, за счет чего будет развиваться и существовать социализм. Этот механизм был обоснован З.И. Файнбургом в разработке концепции научно-технической революции (НТР).

После революции, особенно в 30–50-е гг., теория Маркса доводилась до учащихся, студентов, слушателей «красной академии» через учебники

в форме религиозоподобного учения «Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина», и этот политический инструмент завел в дальнейшем в тупик. Научная теория общества, развитая Марксом и Лениным, а впоследствии примененная к осмыслению различных периодов социализма Файнбургом, позволяет объяснить многое в противоречиях общества и развить в дальнейшем эту теорию. З.И. Файнбург описал систему переходного периода между капитализмом и социализмом и целостную коллективистскую формацию на примере страновой модели – культурологическую, идеологическую, социологическую и политэкономическую сущность советского социализма [5].

Способ развития общества и его материальное основание – научно-техническая революция изложены в соавторстве З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой в работе «Коллективистское общество». НТР – основная исходная категория теории общества в становлении системы социальных связей людей. Это было развитие марксизма, в то время как у других авторов идет лишь привнесение новых терминов и более ничего. И. Валлерстайн показал переход от сельскохозяйственного капитализма к капитализму позднего индустриализма, исходная категория – «мир-системный анализ», затем – становление глобальной экономики, исчерпание стимулов и ресурсов капитализма. Американский экономсоциолог видел лишь то, что впереди у глобального общества – этап социального хаоса.

Научная мысль бежит быстрее человеческой практики. Забегает вперед, опережает практику и вынуждена «ждать», когда практика догонит ее и даст новую «пищу» для новой теории познания. Когда субъект до-разовьется до уровня объекта, человек будет творить по законам красоты, как говорил еще епископ Беркли и подтверждал Г. Гегель. Опираясь на Марксов метод, на достижения теории диалектического материализма, З.И. Файнбург провел теоретический анализ, проверяя теорию массовыми эмпирическими исследованиями, он отыскивал инструменты в форме прогнозирования и планирования коллективистского общества.

Логика развития социального процесса – культуры и индустриального развития производства в современном обществе можно видеть в сравнении теории

К. Маркса и осмысления становящегося реального социализма на основе теории Маркса и концепции З.И. Файнбурга. Маркс выявил генеральные, основные тенденции развития общества, обосновал метод исследования, получил прогноз на формационном уровне. Он искал и нашел направление, механизм развития – очень общий – обобществление капитала и вытеснение живого труда из процесса производства. В соответствии с техническим развитием снижаются издержки на получение продукта труда. Стремление получать прибыль заставляет собственника создать обобществленное производство. Но кто будет потреблять, если не будет работы и работника? Капиталист как собственник средств производства становится не нужен на этапе дальнейшего автоматизированного производства, он играет лишь роль владельца на различных этапах индустриализма. Так стремление к максимизации прибыли, по логике Маркса, революционизирует производство, а в дальнейшем приводит к отрицанию капитализма – толкает мир к социальному общественному строю без частной собственности, превращению труда в творческий процесс и первую жизненную потребность.

Главные элементы концепции З.И. Файнбурга – труд (первопричина развития), культура (форма развития), личность (цель развития) общества. З.И. Файнбург детально описал основные черты и стадии формационных этапов коллективистского общества. Понимание общества З.И. Файнбургом охватывало следующие теоретические аспекты социальной теории: история общества как развивающийся процесс; социальные изменения, совокупный работник и машины, производство роботов, космос и возможные контакты цивилизаций, закономерность; социальное прогнозирование и проектирование; планирование и рынок; социальная структура, социализация личности (в семье и на предприятии), расселения и урбанизация, культура и личность. Метод анализа нового общества – диалектическая логика.

В своем диагнозе современности З.И. Файнбург сосредоточивает внимание на проблеме соотношения идеала и реальности [6]. И при этом он не уходит от объяснения внутренних трудностей роста зарождающегося общества, а иногда и

сбоев в функционировании ранней коллективистской системы, когда в идеологии шло недостаточно основательное освоение и использование знаний научных основ развития общества.

Предложенная им концепция будущего обусловлена логикой развития труда, организации и управления, культуры и личности. Движение по пути прогресса и переходных состояний общества подтверждается практикой стран Азии, Африки и Латинской Америки. Самое общее противоречие, которое разрешается и разрешится, – это противоречие между трудом и капиталом.

З.И. Файнбург сформулировал основное противоречие социализма (т. е. начальной ступени коллективистского общества) – между общественным (коллективным) характером труда и общественно-индивидуальным характером присвоения [3]. Он первым пришел еще в 1950-е гг. к выводу о том, что капитализм – последняя экономическая формация, а коммунизм – постэкономическая формация или формации, движущими противоречиями которых будут не экономические, а социальные. Эти противоречия – более сложного порядка, и встанет вопрос: а судьи кто?

Коллективность – это тип социальной связи, а коллективизм – этический принцип взаимной моральной ответственности, в определенной мере они сопряжены друг с другом. Коллективность имеет носителя – группу, коллектив, сообщество. Коллективность вместе с тем включает диффузию, разделение, раздвоение на составляющие части и состязательность способностей людей. Структурные элементы коллективности – познаваемость законов нового общества, их осознанность личностью. Коллективность, поднимаясь из глубин становления человечества, включает различные ступени развития: а) непосредственно общинная; б) опосредованно удерживающая сообщества в единстве; г) развитая коллективность – непосредственно-личностные отношения в процессе совместного труда. Историческое место коллективистского общества – это процесс перехода от стихийных форм коллективистских отношений к развитой коллективности в осознанной форме социальной связи.

Культура и общество приобретают целостное представление в развитии социологии культуры. Тип культуры имеет свои пространственно-временные границы: он охватывает глобальные региональные ареалы обитания и временные лаги: общества с исторически разделенным типом труда. Появляются ростки исторически неразделенного типа труда, когда соединяются производство и управление на научной коллективистской основе. Культура раскрывается в социальных отношениях людей: она указывает на процессы, происходящие в обществе, раскрывает структуру, организацию политической власти, типы управления и стили лидерства групп, институтов, правящих элит. И, безусловно, внутренняя жизнь личности раскрывается в принятии духовной культуры, включающей в себя все области духовного производства – науку и искусство, литературу и религию, миф и философию, основанные на понятном всем членам данного сообщества едином языке.

З.И. Файнбург рассматривал культуру целостно, как специфически человеческий способ жизнедеятельности, и культура вплетена в каждую клетку социального действия. Он стремился трактовать культуру не только как экономический, но и как социальный феномен. Оптимистичный тон его аргументации очень соответствовал духу времени социализма, противостоящего капитализму. Анализу утопии и антиутопии он отдавал дань при трактовке социальных процессов, взгляда из будущего в настоящее. Выходом из скорлупы официозного «марксизма» было обращение к социальной научной фантастике в поисках типичных черт культуры и противоречий будущего общества [6]. Вопросы духовной культуры он тесно связывал с исследованием культурной информированности личности, избирательности в мире культуры, предпочтениями личностью круга чтения – от философии, художественной литературы, мемуаристики до социальной фантастики и детективов. Все это связывалось с историческим культуротворчеством – участием развитой личности в самоуправлении.

Над понятием культуры работали философы, социологи, историки, культурологи, педагоги, этнографы. Сравнительно-историческое обобщение типов

культуры З.И. Файнбурга привело к нетривиальным результатам, поскольку после разрешения основного экономического противоречия двигателем общества будет основное противоречие в социальной сфере. Для диагноза современных обществ в ситуации прогнозируемого кризиса всегда могут появиться альтернативные продуктивные решения и варианты между проектами действия общества, но коренным является социальное противоречие в сфере культуры – между творчеством и управлением (между творцом и управленцем), между создателем новых проектов и организаторами – распорядителями богатств общества (энергетических ресурсов, приоритетов, статусов и привилегий). Поскольку З.И. Файнбург строит свою аргументацию в трактовке культуры, исходя из теории социального действия, ему несвойствен цинично-фаталистический взгляд сторонников перспективы хаоса общества и тех, кто любит сгущать краски в период кризиса и пугать общественность Апокалипсисом. Он видит выход общества из кризиса в развитой коллективности. Согласованность и емкость синтеза диагностических формул теории З.И. Файнбурга можно определить как систему движущих противоречий – от разрешения экономических противоречий к противоречиям социальным и разрешение видимых противоречий управления и творчества, создающих противоречие более высокого порядка в сфере культуры.

В теории общества З.И. Файнбурга о необходимости развития творческого, аутентичного марксизма и овладении им широкими слоями самоуправляемого общества – преодоление останки развития марксизма и социализма как демократического творчества масс.

Политическая трактовка истории советской России А. Фурсова представляет собой попытку анализа противоречия *власти и закона*: что является приоритетным для социализма? Ценным явился подход к определению Коммунистической партии Советского Союза как корпорации, встроенной в общество, партии как станового хребта коллективистского общества. По Фурсову, отступление от социализма началось с дифференциацией статуса и потребления слоями общества под наблюдающим оком и распоряжением номенклатуры. Отклонение от духовности личности и отказ верхов от равенства и аскезы как ценностей в

образе жизни закончились выведением партии из трудовых коллективов, основных структур общества. Власть оказалась выше закона, и это – отступление от социализма.

Сопоставление анализа социализма как закономерности общности (а не «эксперимента») под углом зрения исторического места во всемирной истории и конкретно-исторического и политологического анализа дает объемную картину уникально развивавшегося антисистемного капитализму общества. Третий подход – политико-религиозный контекст в современной литературе, представленный главным редактором содержательной российской газеты, показал твердую уверенность в справедливости предыдущего социального устройства общества.

В литературном процессе и видах искусства проявилась триада ценностей духовной культуры: во-первых, патристические поэзия и проза, представившие в литературе духовный подъем общества в период Гражданской и Великой Отечественной войн; во-вторых, критика строя, не определившего историческую социальную роль крестьянства (оно рассматривалось государственной властью лишь как ресурсная база получения рабочей силы для индустриализирующегося общества и как часть общества, производящая сырье для промышленной и продовольственной базы страны); в-третьих, направление в литературе, отразившее технически образованную, но не процветающую благосостоянием часть общества: этот слой критически и скептически относился к социалистической идеологии (его образ жизни: рутинная повседневность, занятость без перспектив продвижения и повышения материального статуса (благосостояния) – составил критический потенциал в обществе). Впоследствии средний класс принял ценности либерализма. Кризис системы проявился через распад централизма и нашел отражение в литературе. При этом литераторы и историки сегодня обращаются к идеалам прошлого, причина этого – в расхождении идеала и реальности, отсутствии сравнительно-исторического мышления, позитивистского сравнения систем, в т. ч. 500-летнего колониального накопления богатств развитыми стра-

нами. Кроме того, сказался застой в общественных науках, жестко контролировавшихся идеологической партноменклатурой. Тем не менее общество, получившее образование, поднимается к новым научно-техническим и социально-гуманитарным вершинам знания и самосознания на основе познанных социальных закономерностей.

Список литературы

1. Геометрия истории. Александр Проханов и Андрей Фурсов: разговор о главном [Электронный ресурс] // Завтра. – 2024. – Апрель (№ 15(1578)). – С. 8.

2. Интервью Александра Проханова Андрею Фурсову [Электронный ресурс] : видеозапись // День-ТВ : аналитический интернет-канал. – 01:09:16 (время воспроизведения). – Режим доступа: <https://dzen.ru/video/watch/660d4dd62db346567ab8566c?rid=1046336202.173.1716547857238.50348> (дата обращения: 24.05.2024). – Доступно на: <https://dzen.ru>.

3. Парамонова С.П. Теория развития общества З.И. Файнбурга: опыт современного прочтения : монография / Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь : Астер-Диджитал, 2024. – 154 с.

4. Почему нет адекватной социальной теории современного общества (Андрей Фурсов) [Электронный ресурс] : видеозапись // Зоркий Филин : канал. – 00:03:57 (время воспроизведения). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=An6tSPQY01M> (дата обращения: 27.05.2024). – Доступно на: <https://www.youtube.com>.

5. Файнбург Г.З. [Идеи, консультирование, обобщения, представленные при подготовке книги о творчестве З.И. Файнбурга д-ром техн. наук, проф. Г.З. Файнбургом] [Электронный ресурс] : электрон. письмо от 22.08.2022 Парамоновой С.П. // Из личного архива адресата С.П. Парамоновой. – Режим доступа: по согласованию с адресатом <spp45@mail.ru>.

6. Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: современная утопия в облике научной фантастики : мемориал. изд. / под общ. ред. Г.З. Файнбурга. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. – 280 с.

7. Федор Раззаков. Развал СССР: от конспирологии до геополитики [Электронный ресурс] : видеозапись // Format A3: международный медиа-клуб : сайт. – 01:21:06 (время воспроизведения). – Режим доступа: <http://www.format-a3.ru/events/event-594/videos/1202.html> (дата обращения: 11.05.2024). – Доступно на: youtube.com/.

8. Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. – М. : РОССПЭН, 2010. – 1047 с.

УДК 141.7

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-25-38

Амелькина Оксана Васильевна

аспирант

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Пермь, Россия

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: om_company@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИДЕИ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Oksana V. Amelkina

Postgraduate Student of PGGPU

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

614990, Perm, 24, Sibirskaya, e-mail: om_company@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE IDEA OF REGULATION OF SOCIAL INTERACTION IN SOCIOLOGY

Аннотация. Идея регулирования социального взаимодействия в социологии развивалась на протяжении всей ее истории. От ранних основополагающих теорий основателей социологии до современных перспектив, рассматривающих динамику власти, неравенство и цифровое влияние, эта концепция остается центральной для понимания человеческого поведения в социальных контекстах. Нами рассматриваются историческая эволюция и различные теоретические подходы к регулированию социального взаимодействия, выделяются ключевые вклады и современные приложения.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, регуляторы социального взаимодействия.

Abstract. The idea of regulating social interaction in Sociology has developed throughout its history. From the early foundational theories of sociology's founders to contemporary perspectives looking at power dynamics, inequality and digital influence, the concept remains central to understanding human behaviour in social contexts. This article reviews the historical evolution and various theoretical approaches to the regulation of social interaction, highlighting key contributions and contemporary applications.

Key words: social interaction, regulators of social interaction.

Развитие идеи регулирования социального взаимодействия в социологии глубоко укоренилось в работах различных социологических теоретиков на протяжении всей истории. Эта концепция вращается вокруг механизмов и норм, которые регулируют взаимодействие индивидов в обществе.

Концепция регулирования социального взаимодействия в социологии развивалась с течением времени, ученые пытались понять механизмы и динамику, управляющие поведением людей в социальных контекстах.

Понятие «взаимодействие» является философской категорией и по-разному раскрывается различными исследователями.

В.П. Кохановский полагает, что взаимодействие – это философская категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход.

Н.И. Кондаков определяет взаимодействие как «всеобщую форму связи предметов, явлений объективной действительности» [4, с. 314].

Необходимо провести разграничение понятий «взаимодействие» и «социальное взаимодействие». «Взаимодействие» – «взаимные отношения между кем-нибудь или чем-нибудь» [3, с. 8].

Социальное взаимодействие – система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов [10].

«Социальное взаимодействие» – специфический образ взаимодействия в условиях общественной жизни. «Социальное взаимодействие» – это способы, с помощью которых люди взаимодействуют, общаются и ведут себя в социальной среде. Оно включает в себя широкий спектр видов деятельности и поведения, от случайных разговоров с друзьями до сложной групповой динамики в профессиональной или общественной среде. Социальное взаимодействие играет важнейшую роль в развитии человека, поскольку помогает ему усвоить социальные нормы, развить навыки межличностного общения и установить отношения.

Оно может происходить лицом к лицу, посредством письменного общения или через цифровые платформы, такие как социальные сети. В целом социальное взаимодействие является основополагающим для человеческого общества, способствуя сотрудничеству, взаимодействию и обмену идеями и информацией.

Вместе с тем в основе категории социального взаимодействия лежит представление о том, что субъект, индивид или определенное общество всегда находятся в среде социальных субъектов, и ведут они себя соответственно социальной ситуации.

Регуляция социального взаимодействия – это процессы, с помощью которых люди контролируют и направляют свое взаимодействие с другими людьми. Эта регуляция может происходить на различных уровнях, включая физиологический, когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Можно рассматривать различные аспекты регуляции. Так, например, люди регулируют свои эмоции, чтобы правильно адаптироваться к социальным ситуациям. Для этого необходимо понимать и управлять своими эмоциями, а также реагировать на эмоции других людей.

На следующем уровне люди регулируют свои мысли и психические процессы во время социального взаимодействия. Это может включать в себя оценку перспектив, эмпатию и когнитивную гибкость, чтобы понять различные точки зрения и скорректировать свое поведение соответствующим образом.

Коррекция поведения происходит для того, чтобы соответствовать социальным нормам, ожиданиям и культурным обычаям. Это включает в себя соблюдение правил общения, уважение личного пространства и следование общественным стандартам поведения.

Наряду с вербальным (словесным) общением большое количество информации мы передаем друг другу с помощью языка тела и жестов (невербальное общение). Иногда невербальное общение является более информативным и показательным для партнера, тогда для поддержания позитивного взаимодействия происходит корректировка тона голоса, языка тела и речевых моделей в соответствии с контекстом и предпочтениями партнеров по взаимодействию.

Саморегуляция, включающая самоконтроль, самоанализ и самодисциплину для управления импульсами и реакциями во время социальных взаимодействий, – это очень важный элемент регуляции, необходимый для управления своим поведением для достижения социальных целей и поддержания межличностных отношений.

Нормы и правила, установленные в обществе, регулируют социальное взаимодействие. Люди регулируют свое поведение в соответствии с этими нормами, чтобы способствовать гладкому и гармоничному взаимодействию в своих социальных группах.

Эффективная регуляция социального взаимодействия часто предполагает получение обратной связи от других людей и внесение корректировок на основе этой обратной связи. Этот процесс позволяет людям адаптировать свое поведение в режиме реального времени и улучшать качество взаимодействия с течением времени.

Мы понимаем, что для того, чтобы поддерживать позитивные отношения в обществе, ориентироваться в социальных ситуациях и функционировать в обществе, необходимо раскрыть тему регулирования социального взаимодействия.

Эмиль Дюркгейм, новатор в области социологии, широко изучал роль норм и ценностей в обществе, в частности, в своих основополагающих работах «Разделение труда в обществе» (1893) [5] и «Самоубийство: Исследование в социологии» (1897) [2] он обращал внимание на важность норм и ценностей в формировании общественного порядка и индивидуального поведения.

Эмиль Дюркгейм ставил перед собой цель, которая заключается в следующем – «не выявить нравственность из науки, а создать науку о нравственности, что совсем другое».

Дюркгейм считал, что нормы и ценности играют ключевую роль в поддержании социальной координации и предотвращении дезинтеграции общества. Нормы представляют собой правила и ожидания, которые регулируют поведение людей в социуме. Они формируются на основе общественных ценностей и представлений о правильном и неправильном, принимаемом и неприемлемом.

Ценности, согласно Дюркгейму, являются основными убеждениями общества, определяющими его идеалы и цели. Они оказывают влияние на формирование норм и вливаются в общественные институты, такие как семья, религия и образование.

Дюркгейм подчеркивал важность норм и ценностей для поддержания социального порядка и регулирования поведения в обществе. Нормы – это общественные правила, которые направляют поведение, а ценности – это глубоко укоренившиеся убеждения о том, что желательно и важно. Дюркгейм утверждал, что общие нормы и ценности важны для содействия социальной интеграции и предотвращения аномии – состояния ненормальности или моральной растерянности.

Дюркгейм различал два типа социальной солидарности: механическую солидарность и органическую солидарность. Механическая солидарность относится к сплоченности традиционных доиндустриальных обществ, где люди разделяют схожие ценности, убеждения и образ жизни. Органическая солидарность, напротив, характеризует современные индустриальные общества, где социальная сплоченность возникает благодаря взаимозависимости индивидов с различными ролями и функциями.

Дюркгейм проанализировал, как разделение труда формирует социальную сплоченность и моральную ткань общества. В традиционных обществах с механической солидарностью разделение труда минимально и люди выполняют одинаковые задачи. Напротив, в современных обществах, характеризующихся органической солидарностью, разделение труда носит комплексный характер и люди специализируются на различных ролях и профессиях.

Социальную интеграцию Дюркгейм рассматривал как важнейшее условие стабильности и сплоченности общества. Он утверждал, что люди чувствуют себя связанными с обществом благодаря приверженности общим нормам и ценностям, которые создают чувство принадлежности и солидарности. Когда социаль-

ная интеграция ослабевает, как это бывает в периоды быстрых социальных изменений или потрясений, люди могут испытывать чувство отчуждения и разобщенности.

В своем исследовании «Самоубийство» Дюркгейм показал социальные причины, лежащие в основе этого индивидуального поступка. Он обнаружил, что уровень самоубийств варьируется в различных социальных контекстах и что социальные факторы, такие как социальная интеграция и регуляция, играют важную роль. Общества с сильными социальными связями и четко определенными ценностями имеют более низкие показатели самоубийств, поскольку они обеспечивают индивидуальное чувство принадлежности и целостности.

Э. Дюркгейм ввел понятие коллективного сознания, под которым понимаются общие убеждения, ценности и моральные установки, связывающие людей в обществе. Коллективное сознание обеспечивает чувство солидарности и формирует социальное поведение, определяя, что считается морально приемлемым или неприемлемым в данном обществе.

Исследования Э. Дюркгейма подчеркивают важность норм и ценностей в формировании структуры общества и обеспечении его стабильности. Эти концепции продолжают оставаться актуальными и в настоящее время, помогая понять динамику и функционирование современных обществ.

По мнению Талькотта Парсонса, «социальные системы – это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [8, с. 270]. Таким образом, социальное взаимодействие является интегрирующим процессом, посредством которого происходит объединение частей в определенный тип социальной целостности.

Т. Парсонс рассматривал «социальные подсистемы как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, – все эти абстракции, аналитически вычлняемые из реального потока социального взаимодействия» [7, с. 18].

В социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, обладающие зонами взаимопроникновения, благодаря чему может

осуществляться процесс взаимообмена. Социальные системы представляют собой открытые системы, характеризующиеся состоянием постоянного взаимообмена на входах и выходах в окружающую среду, и дополнительно они разделены на различные подсистемы, в которых тоже происходит взаимообмен.

Для анализа социальных систем могут быть применены четыре независимые переменные: ценности, нормы, коллективы и роли.

Ценности играют главную роль в исполнении социальными системами задачи по сохранению и воспроизведению образца. Основная функция норм – интегрировать социальные системы. Целедостиженческая функция характерна для коллективов. Роль является структурным компонентом, выполняющим в первую очередь адаптивную функцию по определению классов индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив.

Парсонс подчеркивал роль социальных норм и ролей в регулировании поведения в обществе. Нормы – это правила и ожидания, которые определяют поведение, а роли – это позиции, которые индивиды занимают в социальных институтах. Парсонс утверждал, что индивиды усваивают общественные нормы и роли, которые служат ориентирами для их поведения в различных социальных контекстах. Регулирование социального взаимодействия происходит через следование этим нормам и ролям, способствующим поддержанию социального порядка и стабильности.

В 1937 г. Т. Парсонс ввел понятие «эмерджентные свойства». Под эмерджентными свойствами понимаются характеристики или особенности социальной системы, которые возникают в результате взаимодействия и взаимозависимости ее компонентов, но не сводятся к характеристикам только этих компонентов.

В контексте теории социальных систем Парсонса эмерджентные свойства рассматриваются как результат сложных взаимодействий между социальными институтами, ролями, нормами и индивидами в обществе. Эти свойства возникают в результате динамических отношений и процессов, происходящих внутри

социальной системы, и не могут быть полностью объяснены путем анализа ее частей в отдельности.

Например, в обществе стабильность и упорядоченность социальных взаимодействий, поддержание социальных норм и координация различных социальных институтов считаются эмерджентными свойствами социальной системы. Эти свойства возникают в результате взаимодействия между индивидами, группами и институтами, а также на основе общих ценностей и норм, которыми они руководствуются в своем поведении.

Парсонс утверждал, что понимание этих эмерджентных свойств имеет решающее значение для понимания функционирования и стабильности общества в целом. Изучая, как различные компоненты социальной системы взаимодействуют и способствуют возникновению определенных свойств, социологи могут получить представление о механизмах, регулирующих социальное поведение, поддерживающих социальный порядок и обеспечивающих бесперебойное функционирование общества.

Понятие «эмерджентные свойства» было сформулировано при анализе социальных систем, и были рассмотрены три условия, связанные между собой.

1. Социальные системы имеют структуру, которая возникает в результате социального взаимодействия.

2. Эмерджентные свойства нельзя представить как сумму каких-либо характеристик (биологических или психологических). Один из самых ярких примеров – это то, что особенности той или иной культуры невозможно объяснить, соотнося ее с биологическими качествами людей – носителей этой культуры.

3. Понимание социального действия необходимо рассматривать в контексте той социальной системы, в рамках которой оно проявляется, кроме того, необходимо учитывать мотивы людей.

Согласно Парсонсу, общество функционирует как сложная система, характеризующаяся стабильностью, порядком и равновесием. В рамках этой концепции регулирование социального взаимодействия необходимо для поддержания нормального функционирования общества.

Парсонс подчеркивал важность механизмов социализации и социального контроля в регулировании социального взаимодействия. Социализация – это процесс, в ходе которого индивиды усваивают общественные нормы, ценности и роли, а социальный контроль – это механизмы, поддерживающие соответствие этим нормам и ценностям. Благодаря социализации и социальному контролю индивиды усваивают ожидания общества и соответствующим образом регулируют свое поведение в социальном взаимодействии.

В целом структурно-функциональный подход Талькотта Парсонса способствовал пониманию того, как социальное взаимодействие регулируется в обществе посредством интернализации норм и ролей, координации социальных институтов, а также механизмов социализации и социального контроля. Его работа заложила основу для последующих исследований динамики социального порядка и стабильности.

Диспозиционная концепция Владимира Александровича Ядова относится к теоретическим рамкам социологии, которые фокусируются на диспозиционных характеристиках или тенденциях индивидов и их влиянии на социальное поведение и взаимодействие.

По утверждению В.А. Ядова, «имеется богатая литература, посвященная регулятивным функциям разнообразных состояний готовности личности к определенному способу действий. Их называют по-разному – жизненная позиция, направленность интересов, ценностная ориентация, социальная установка, доминирующая мотивация и т. д. Все это не что иное, как диспозиции личности – фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом, тем самым реализуя свои потребности разного уровня» [9, 4-я стр. обложки].

В основе разработанной В.А. Ядовым теории лежат научные разработки советских психологов. Б.Г. Ананьев обратил внимание на то, что имеется общий центр, в котором сходятся исследования социологов, социальных психологов и психологов, и этим общим центром является ценностная ориентация групп

и личности, общность целей и деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей [1, с. 299]. Действительно, интересы разных отраслей наук изучают мотивацию поведения человека и поиск его социальных детерминант.

Саморегуляция поведения, т. е. внутренняя регуляция, основана на представлении о «действующем субъекте», его целостности, структуре и механизмах функционирования. Принцип целостности субъекта был воплощен в концепции отношений, предложенной В.Н. Мясищевым и развитой пермским ученым, основателем пермской психологической школы В.С. Мерлиным.

Концепция личности Мерлина основывается на его подходе к пониманию человека как интегральной индивидуальности, т. е. во взаимосвязи ряда свойств, относящихся к нескольким иерархическим уровням, подчиненным различным закономерностям.

«Интегральная индивидуальность – это не совокупность особых свойств, отличная или противоположная другой совокупности, обозначаемой как характеристика типичности человека. Интегральная индивидуальность – это особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека» [6].

Точно так же и в рамках диспозиционной концепции Ядов выделяет несколько уровней анализа, которые помогают прояснить роль диспозиционных характеристик в формировании индивидуального поведения и социальных взаимодействий. Эти уровни обеспечивают основу для понимания того, как диспозиционные факторы взаимодействуют с социальными структурами и влияют на различные аспекты поведения человека. Вот ключевые уровни диспозиционной теории Ядова:

1-й уровень – элементарные фиксированные установки. Они формируются на основе потребностей физического существования и в простейших ситуациях фокусируются на врожденных диспозиционных характеристиках индивидов, включая их темперамент, личностные особенности, когнитивные стили и эмоциональные склонности. Эти диспозиционные черты варьируются между людьми

и определяют, как они воспринимают, интерпретируют и реагируют на социальные стимулы. Ядов подчеркивает важность признания и понимания этих индивидуальных различий для объяснения моделей поведения и социального взаимодействия.

2-й уровень диспозиционной структуры – система социальных установок. В данном контексте социальная установка обладает сложной структурой и содержит эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и поведенческий аспекты. Социальную установку, с одной стороны, формируют предметные потребности социального существования (включение индивида в контактные группы, в том числе первичные), а с другой – социальные ситуации (аттитюд). Индивиды привносят в социальные взаимодействия свои уникальные диспозиции, которые влияют на их поведение, стили общения и межличностную динамику. Этот уровень подчеркивает взаимную природу социальных взаимодействий, когда диспозиционные черты одного индивида могут влиять на поведение и реакции других, создавая динамичное взаимодействие диспозиций в социальных встречах.

3-й уровень – общая (доминирующая) направленность интересов личности в определенные сферы социальной активности. Направленность обладает свойствам когнитивного, эмоционального и поведенческого характера, но образования этого уровня намного сложнее и устойчивее. Социальные структуры обеспечивают контекст, в котором индивиды развивают и выражают свои диспозиционные черты. Нормы, ценности и роли в обществе формируют диспозиции индивидов, предоставляя ориентиры для приемлемого поведения и определяя социальные ожидания. Ядов признает взаимозависимость между индивидуальными диспозициями и социальными структурами, подчеркивая и утверждая, что они взаимно влияют друг на друга и формируют друг друга.

4-й уровень – это система ценностных ориентаций, направленная на цели жизнедеятельности и средства их достижения. Формирование ценностных ориентаций – это высший уровень социальных потребностей личности в саморазвитии и самовыражении. Этот уровень может включать: общественные тенденции,

исторический контекст, экономические условия и политические системы, формирующие общую социокультурную среду, в которой индивиды развивают и выражают свои диспозиции. Влияние этого уровня играет решающую роль, так как обеспечивает широкий социальный контекст, который определяет индивидуальную и интерактивную динамику и влияет на распределение и выражение диспозиционных черт в популяции.

Через рассмотрение представленных уровней анализа диспозиционная теория В.А. Ядова обеспечивает комплексную основу для понимания сложного взаимодействия между: индивидуальными диспозициями, социальными взаимодействиями и общественными влияниями. Описанный подход позволяет понять, как диспозиционные характеристики способствуют динамике человеческого поведения и социальной жизни в различных контекстах и масштабах анализа.

Диспозиционная концепция подчеркивает идею о том, что люди обладают врожденными склонностями или предрасположенностями, которые влияют на их установки, убеждения, ценности и поведение. Эти диспозиционные характеристики рассматриваются как устойчивые черты, которые помогают определять, как люди воспринимают социальные ситуации и реагируют на них, взаимодействуют с другими людьми и вносят свой вклад в общую динамику общества.

Меняется время, технологии становятся все совершеннее, поэтому и в современных подходах к изучению регуляции социального взаимодействия можно увидеть отражение развития технологий, междисциплинарные подходы к изменениям в динамике общества.

Повсеместное распространение цифровых коммуникационных платформ, перенос взаимодействия индивидов из офлайна в онлайн направляет взгляд ученых на социальные медиа и онлайн-взаимодействие, на то, как и при помощи каких механизмов они формируют социальное поведение и регулируют социальное взаимодействие. В том числе изучается, как люди управляют своими онлайн-личностями, ориентируются в цифровом пространстве и поддерживают отношения в виртуальной среде.

Смещение культур, религий и национальностей в современном обществе ставит перед учеными задачу понять, как на регулирование социального взаимодействия в различных обществах и культурных контекстах влияют культурные нормы, ценности и практики. Это включает изучение культурных различий в стилях общения, социальных нормах и межличностной динамике, а также влияния глобализации на культурный обмен и регулирование взаимодействия.

Растет тенденция к междисциплинарным исследованиям, происходит стыковка таких наук, как социология, психология, антропология, нейронауки, коммуникативистика и другие дисциплины, изучающие регуляцию социального взаимодействия. Исследователи сочетают качественные и количественные методы для обеспечения понимания сложной динамики, связанной с регулированием социального взаимодействия.

Современные исследования подчеркивают важность социальной справедливости и равенства в изучении регуляции социального взаимодействия. Ученые изучают, как системное неравенство и дискриминация влияют на регуляцию социального взаимодействия. Исследуются стратегии поощрения инклюзивности, разнообразия и социальных изменений в межличностных отношениях и более широких общественных структурах.

В целом современные тенденции в изучении регуляции социального взаимодействия отражают разнообразный междисциплинарный подход, который включает в себя идеи из различных областей для изучения сложной динамики взаимодействия людей в современном обществе. Эти тенденции способствуют более глубокому пониманию того, как социальное взаимодействие регулируется, обсуждается и трансформируется в ответ на технологические, культурные и социальные изменения.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968. – С. 299–300.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://socioline.ru/book/emil-dyurkgeim-samoubiistvo-sotsiologicheskii-etyud> (дата обращения: 10.05.2024).

3. Жбанкова И.И. Проблема взаимодействия (философский очерк). – Минск, 1971. – С. 8–50.

4. Збышко Б.Г. Регулирование социально-трудовых отношений в России (международный и национальный аспекты) : монография. – М. : Социальное страхование, 2004. – С. 314–416.

5. О разделении общественного труда. Эюд об орг. высш. о-в Эмиля Дюркгейма, Одесса, тип. Г.М. Левинсона, 1900 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003692202?page=58&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.05.2024).

6. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М. : Педагогика, 1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001318599/ (дата обращения: 10.05.2024).

7. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.

8. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / под ред. В.А. Ядова. – 2-е расшир. изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.

10. Фролов С. Взаимодействие социальное. Архивная копия от 17 августа 2012 Г. на Wayback Machine // Словарь ключевых социологических терминов. – М., 1999.

УДК 352.075

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-39-46

Борисов Александр Дмитриевич

аспирант кафедры философии и общественных наук

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Пермь, Россия

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: aldmborisov@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Alexander D. Borisov

Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

614990, Perm, Sibirsкая, 24, e-mail: aldmborisov@yandex.ru

THEORETICAL FOUNDATIONS OF PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN THE HISTORY OF SOCIAL STUDIES

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции и трансформации идеи общественного самоуправления в контексте истории общественной мысли от античности до XIX в. Анализируются основные теоретические подходы к самоуправлению местных сообществ, сформировавшиеся к концу XIX в.

Ключевые слова: местное самоуправление, общественное самоуправление, государственная теория местного самоуправления, местные сообщества.

Abstract. The article considers the process of evolution and transformation of the idea of public self-government in the context of the history of social studies from antiquity to the XIX century. The main theoretical approaches to the self-government of local communities formed by the end of the XIX century are analyzed.

Key words: local self-government, public self-government, state theory of local self-government, local communities.

Местное самоуправление как форма самоорганизации граждан для участия в решении вопросов жизни своего сообщества возникла и была осмыслена философами еще в античности.

Самоуправляющийся греческий полис был основным элементом политической жизни. Платон скептически относился к идее общественного самоуправления, предлагая четкую структуру государства, предназначенную обеспечить «идеальное» устройство жизни граждан, его населяющих [5]. Аристотель подверг критике идею идеального государства Платона, противопоставив ей более практический подход к управлению полисом. Полития Аристотеля отражала желания свободных граждан иметь доступ к управлению своим городом. При этом Аристотель подчеркивал необходимость поддержания благополучия «среднего класса» греческого города, который, по мнению философа, наиболее значим для жизнедеятельности полиса [1]. Полибий отмечал, что механизм народного управления важен и эффективен, но необходимо поместить его в систему сдержек и противовесов, ограничить другими институтами [6, с. 14–17].

В Средние века в философии господствовал теоцентризм и ориентированность на единоличное управление. Однако важным элементом стало то, что начала осмысливаться идентичность сообществ не только в рамках принадлежности к одному политическому образованию, но и по другим параметрам, таким как, например, принадлежность к одной религиозной группе [2].

По мере того как оптика философии смещалась с Бога на человека, получили развитие и идеи участия граждан в управлении политическими образованиями. Варианты и формы данного участия нашли свое отражение в работах как мыслителей эпохи Возрождения, так и ученых эпохи Просвещения. В XVIII в. была концептуализирована идея гражданского общества – основы процветания государства.

Одним из первых, кто проанализировал местное самоуправление в близком к современному его пониманию, был французский ученый Алексис де Токвиль. В своем труде «Демократия в Америке» он подробно анализирует американскую политическую систему и приходит к выводу, что самоуправление является одной из ее ключевых особенностей [7, с. 377].

Одной из основных характеристик местного самоуправления в Америке, по мнению А. Токвиля, является его децентрализованный характер. Власть распределена между различными уровнями управления: федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти. Это позволяет гражданам непосредственно участвовать в управлении своим сообществом и принимать решения, влияющие на их повседневную жизнь.

А. Токвиль также обращает внимание на то, что в США существует система выборного правления на всех уровнях. Граждане имеют право избирать своих представителей в местные органы власти, что усиливает чувство ответственности и участия в общественных делах [7, с. 382].

Таким образом, особенности местного самоуправления в Америке, по А. Токвилю, включают децентрализацию власти, выборность представителей и широкие гражданские свободы. Все эти элементы вместе создают условия для активного участия граждан в управлении своим сообществом и способствуют развитию демократии.

Особенно актуальным был вопрос организации местного самоуправления для государств, имеющих в своем составе большое количество субъектов, обладающих определенной самобытностью, – Германии и Австро-Венгрии.

Создателями концепции местного самоуправления как части системы государственного управления являются немецкие ученые Рудольф Гнейст и Лоренц Штейн. Особенность государственной теории местного самоуправления заключается в том, что органы местного самоуправления наделяются правом решать вопросы публично-правового характера.

Лоренц фон Штейн, профессор Венского университета, юрист и социолог XIX в., считал, что местное самоуправление может возникнуть и развиваться только при конституционализме, создающем возможность для развития самоуправляющихся организаций.

Л. Штейн полагал, что все государственное управление сводится к компетенции правительства и компетенциям местного самоуправления. Правительство реализует волю государства как субъекта на территории всей

страны, а местное самоуправление реализует разнообразные задачи, сформированные на местах. Л. Штейн определял самоуправление следующим образом: «Самоуправление есть первая форма, в которой достигает своего осуществления идея свободного управления как организованного и полномочного участия граждан в функциях исполнения вообще и управления в особенности» [9, с. 27].

Отечественный исследователь Э.В. Черняк приводит следующее определение местного самоуправления, также данное Л. Штейном: «Самоуправление есть прежде всего выражение свободы в управлении, а свободное управление выражается в том, что часть функций и прав правительства передаются свободному самоопределению индивидуумов, то есть свободной самодеятельности народа» [8, с. 386].

Исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод, что в концепции Л. Штейна самоуправление отражает как общегосударственные, так и местные интересы. Немецкий ученый также считал, что местное самоуправление должно быть организовано по аналогии с государственным управлением, то есть в структуре местной власти должны быть глава, исполнительная власть и законодательная власть.

Л. Штейн считал, что органам местного самоуправления можно поручить все государственные задачи, которые они в состоянии реализовать. При этом Штейн считал, что самоуправление не вредит единству страны, так как общий интерес реализует государственное правительство, а местное самоуправление реализует интерес местный, особый. Немецкий ученый не ставил государственные органы власти и органы местного самоуправления в позицию конфликта, а разделял их компетенции, считая, что органы самоуправления лучше могут справиться с порученными им задачами [9, с. 33–35].

Рудольф Гнейст, немецкий ученый-юрист, разделял точку зрения Лоренца Штейна о том, что концептуально управленческий процесс в государстве реализуется на стыке деятельности государственных органов и общественных институций. Гнейст предлагал органы местного самоуправления в качестве

государственного института, аккумулирующего общественные желания и реализующего их в рамках законодательно урегулированного управленческого процесса.

В отличие от Л. Штейна, Р. Гнейст считал, что местное самоуправление не олицетворяет собой автономию муниципалитетов (общин, городов и т. д.), он позиционировал их именно как элемент властной иерархии [4, с. 755].

Позитивным фактором, по мнению Р. Гнейста, является «начальственный» характер местного самоуправления. Немецкий ученый подробно исследовал систему государственного управления в Англии, где местное самоуправление обладает как раз «начальственными» чертами. Высшие должностные лица местного самоуправления (шериф, лорд-наместник, мировой судья, коронер) назначаются при участии государства, но при этом являются самостоятельными в своих решениях [4, с. 753–755].

Таким образом, не общество создает себе союзы и ассоциации, отвоевывая власть у государства, а государство само дает людям институты самоуправления в рамках позитивного нормативно-правового регулирования. Гнейст считал этот момент важным для предотвращения порабощения государства обществом, так как считал, что общество само по себе не может создать гармонию интересов [8, с. 391].

Рудольф Гнейст строго не разделял компетенции государственных органов и органов местного самоуправления, полагая, что деятельность местного самоуправления есть продолжение реализации управленческих решений, принятых на государственном уровне.

В российской сфере государственного управления также поднимался вопрос о политике в сфере местного самоуправления. Российский государственный деятель С.Ю. Витте изложил свой взгляд на политический курс Российской империи в вопросе местного самоуправления в записке, получившей название «Самодержавие и земство».

В своей записке С.Ю. Витте анализирует, насколько русское самодержавие может сочетаться с таким явлением, как земство, и насколько государству стоит

уделить внимание развитию данного института. Отечественный государственный деятель обращается к работам Л. Штейна и Р. Гнейста, а также к трудам других мыслителей того времени, занимавшихся вопросами местного самоуправления.

С.Ю. Витте приходит к выводу, что есть два основных пути, по которым может двигаться государство [3, с. 211–212]. Первый – принять то, что каждое государство на пути своего развития придет к конституционализму, что административно-командный способ управления государством есть способ несовершенный и что нужно, чем скорее, тем лучше, обратить свои силы на развитие системы самоуправления, как более совершенной и обеспечивающей развитие государства и благо народа.

Второй путь – принять тот факт, что конституционализм – это «великая ложь нашего времени» [3, с. 211]. Для России путь развития органов местного самоуправления неминуемо приведет к разложению государственной системы, основанной на самодержавии. С этой точки зрения государству нужно не давать дальнейшего развития такому институту, как земство. В правовом поле следует провести черту, которую земству нельзя переходить, и помнить, что «кто хозяин в стране, тот должен быть хозяином и в администрации» [3, с. 212].

С.Ю. Витте принимает второй путь. Он противопоставляет местному самоуправлению хорошо организованную бюрократическую систему. Отечественный государственный деятель пишет, что администрация, при правильной и отлаженной организации, не хуже может справляться с управлением на местах, чем местное самоуправление [3, с. 206–208]. С.Ю. Витте отвергает срединный путь, считая, что, поддерживая местное самоуправление и не наполняя его должными полномочиями, государство лишь создаст дополнительную точку напряжения во внутренней политике.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что местное самоуправление как элемент системы современного государственного управления институционализировалось и было осмыслено учеными лишь к XIX в.

Так, в Соединенных Штатах Америки развитие системы местного самоуправления произошло естественным путем [7, с. 286] и в дальнейшем было зафиксировано на нормативно-правовом уровне.

Немецкие ученые Л. Штейн и Р. Гнейст размышляли о различных формах взаимодействия между центральным правительством и местным самоуправлением. Было концептуализировано два основных варианта. Подход Л. Штейна заключается в том, что местное самоуправление отражает автономию муниципалитета и характер его организации отвечает требованиям местных сообществ и традициям. Вариант Р. Гнейста предполагает, что местное самоуправление вплетается в структуру властной иерархии, местные сообщества для реализации своих интересов используют инструменты и формы, предоставленные им центральным правительством.

Российский государственный деятель С.Ю. Витте отверг курс на развитие системы местного самоуправления. В тот период предполагалось, что в основе российской государственности лежит принцип самодержавности, а местное самоуправление негативно на нем скажется. В противовес местному самоуправлению предполагалось сделать акцент на развитие подчиненного центральному правительству бюрократического аппарата, который должен был стать стержнем властной иерархии и обеспечить управляемость на местах.

Данный путь, однако, как показала история, не смог обеспечить эффективности государственного управления в Российской империи и привел к ее падению в начале XX в.

Таким образом, мы видим, что в истории нашей страны были случаи, когда недостаточное внимание к решению вопросов местного значения имело катастрофические последствия. Важно осмыслить исторический опыт в сфере местного самоуправления, поскольку именно органы местного самоуправления работают непосредственно в контакте с гражданами, держат руку на пульсе общественных настроений и, как мы можем заметить, не могут быть заменены другими управленческими моделями.

Список литературы

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс]. – URL: <https://opentextnn.ru/man/aristotel-politika/> (дата обращения: 02.05.2024).

2. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Книга XI [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/11_1 (дата обращения: 02.05.2024).
3. Витте С.Ю. Самодержавие и земство. – Stuttgart : Заря, 1901. – 212 с.
4. Гнейст Р. История государственных учреждений Англии / пер. с нем. С.А. Венгерова. – М. : Типография В.Ө. Рихтеръ, 1885. – 857 с.
5. Платон. Государство [Электронный ресурс]. – URL: <https://opentextnn.ru/man/platon-gosudarstvo/> (дата обращения: 02.05.2024).
6. Полибий. Всеобщая история. Т. 2 (кн. VI–XXV) / пер. с гр. Ф.Г. Мищенко. – СПб., 2005. – 424 с.
7. Токвиль А. Демократия в Америке. – М. : Прогресс, 1992. – 560 с.
8. Черняк Э.В. Государственная теория самоуправления в трудах европейских ученых Л. Штейна и Р. Гнейста // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – С. 384–396.
9. Штейн Л. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / пер. с нем. И.Е. Андреевского. – СПб. : Типография В.В. Пратцъ, 1874. – 594 с.

УДК 165

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-47-53

Шаяхметова Линара Айратовна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры
философии и общественных наук

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия*

614990, г. Пермь, Сибирская, 24, e-mail: LinaraShai@mail.ru

**ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ПЕРВОЕ,
ЧТО НЕОБХОДИМО, ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ОСТАЕТСЯ**

Linara A. Shayakhmetova

Teacher of the Chair of Philosophy and Social Sciences

*Perm State of Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
614990, 24, Sibirskaja, Perm, e-mail: LinaraShai@mail.ru*

**PHILOSOPHICAL REFLECTION: THE FIRST THING
THAT IS NECESSARY, THE LAST THING THAT REMAINS**

Аннотация. Анализируется современная философская рефлексия относительно вопросов смысла человеческого существования, цели жизни, нравственности и философии искусства. Предпринимается попытка обозначить основные черты философской рефлексии, установить ее основные функции, а также раскрыть важность философской рефлексии для культуры личности человека, в том числе в ситуации «общества усталости». Отражены различные точки зрения и дискуссии, возникающие вокруг данной темы, предложены возможные пути решения проблем, связанных с философской рефлексией. В целом статья представляет собой философское исследование, которое может быть полезно как для профессиональных философов, так и для широкого круга читателей, интересующихся данной тематикой.

Ключевые слова: философская рефлексия, критическое мышление, мировоззрение, общество усталости.

Abstract. The article is an analysis of modern philosophical reflection devoted to questions of the meaning of human existence, the purpose of life, morality and philosophy of art. The article makes an attempt to identify the main features of philosophical reflection, establish its main functions, and also reveal the importance of philosophical reflection for the culture of a person's personality, including in the situation

of a 'fatigue society'. The article also reflects the various points of view and discussions, which arise around these topics, and also suggests possible ways to solve problems associated with philosophical reflection. In general, the article is a study of philosophy that can be useful both for professional philosophers and for a wide range of readers interested in this topic.

Key words: philosophical reflection, critical thinking, worldviews, fatigue society.

Философская рефлексия – сложное по структуре и содержанию понятие. С одной стороны, этот процесс имеет прямое отношение к рефлексии в принципе, с другой – относится к области глубокого абстрагирования. Кроме того, философскую рефлексия можно рассматривать как форму познания: «Философствование – по определению, рефлексивная форма познания, направленная на себя...» [7].

В философских текстах мы встречаем различные варианты, под которыми так или иначе подразумевается философская рефлексия: «трансцендентальная рефлексия» И. Канта, «разумная рефлексия» Ф. Гегеля, «эйдетическая рефлексия» Э. Гуссерля, «чистая рефлексия» Ж.-П. Сартра и др. [4]. Между тем смысл этих понятий различен. Они отсылают нас к содержанию предмета рефлексии – фундаментальным вопросам и проблемам человеческой жизни и существования и заключаются в поиске ответов на вопросы о смысле жизни, природе знания и истины, нравственности и этике, свободе и ответственности. Рефлексию отличает и сама специфика, не всегда завязанная на содержании.

Существуют следующие основные формы рефлексии как особой познавательной процедуры: сомнение, ирония, критика, парадокс, вопрошание. Все эти формы имеют универсальный характер и применяются во всех видах человеческого познания: обыденном познании, искусстве, науке, философии. Их применение в философии породило пять основных типов философской рефлексии: трансдоксальную, парадоксальную, фундаментальную, конститутивную и когнитивную [2].

Трансдоксальная рефлексия – это рефлексия, основанная на критическом мышлении, она направлена на критический анализ и скептический подход к по-

знанию окружающего мира. Парадоксальная рефлексия связана с анализом категории «невероятного», фундаментальная – с онтологическими основаниями мира. Конститутивная рефлексия сопряжена с поиском конструкта, системы, вычленения сути происходящих явлений и вещей. Когнитивная рефлексия интерсубъективна, направлена на анализ собственных мыслительных процессов, идей, суждений [2].

В процессе рефлексивной деятельности отдельной личности зачастую трудно выделить тот или иной тип философской рефлексии, поскольку личность – интегративное понятие и философские области гармонично переплетаются и пересекаются. Поэтому мы обозначили основные признаки философской рефлексии в структуре личности.

Основными признаками философской рефлексии можно считать следующие:

1. В основе лежит критическое мышление. Философская рефлексия развивает критическое мышление и способность анализировать и оценивать различные точки зрения. Она позволяет нам осознать свои представления и предубеждения, а также критически подойти к сложным вопросам. Она способствует развитию творческого мышления, помогает видеть вещи с различных точек зрения и находить новые решения и пути мышления.

2. Содержание рефлексии так или иначе сводится к философскому вопросу. Философская рефлексия помогает нам размышлять и разбираться в сложных философских концепциях и аргументах, а также приводит нас к глубокому саморазмышлению и самопознанию. Она позволяет нам задавать важные вопросы о нашем существовании и различных аспектах жизни, обращаться к различным философским традициям и идеям, давать исследовательские и критические ответы на эти вопросы.

3. Подразумевает стремление к абстрагированию и объективному познанию. Пожалуй, это одна из наиважнейших черт философской рефлексии. Мераб Мамардашвили в размышлении «Как я понимаю философию» обозначил основные существенные мысли, касающиеся философского размышления: «Если ты не готов расстаться с самим собой, самым большим для себя возлюбленным, то

ничего не произойдет. Но для этого я должен быть открыт, не беречь, отдать себя, быть готовым к чему-то, к чему я не смог бы прийти собственными силами; чего не смог бы добиться простым сложением механических усилий» [3]. Цитата указывает нам на принцип философского принятия, который можно выразить так: для того чтобы узнать и понять что-то новое, нужно «забыть» про все, что ты знаешь об этом на данный момент, так как эти знания будут стереотипом, мешающим в познании. По сути, это один из способов преодоления «идола пещеры».

4. Философская рефлексия – это практика индивидуального опыта. Академическое содержание, пропущенное через призму человеческой личности, есть философская рефлексия, обладающая гносеологической значимостью и содержащая в качестве своей основы опыт [7].

Философская рефлексия может иметь практическое применение в нашей жизни. Она помогает нам развить критическое и логическое мышление, что может быть полезным при принятии важных решений и решении проблем. Она помогает в развитии этики и морали, а также в лучшем понимании себя и своих ценностей: «Появляется еще один символ – символ мига, мгновения. Но не в смысле краткости времени. Это мгновение как пик, вершина, господствующая над всем миром. И только оказавшись в этом миге сознания и осознав вопросы, мы можем считать, что они осмысленны...» [3]. Мгновение – это не короткий промежуток времени, а совсем наоборот. Люди в повседневной рутине часто не замечают прекрасные мгновения своей жизни, разнообразные мелочи, которые нас окружают, люди все время спешат, но умение осознать себя в данное время и в данном месте – это прямое отражение философской рефлексии, и наоборот.

Один из самых читаемых социальных философов современности, Бен Чхоль Хан, размышляя об обществе сегодня, дает ему характеристику «общества усталости» [6]: оно страдает от всеобщей усталости, вызванной стрессом, перегрузкой информацией, постоянным стремлением к успеху и сравнением с другими. Это приводит к эмоциональному и физическому истощению людей, а также к ухудшению психического и физического здоровья. Автор выступает

за необходимость изменения образа жизни и ценностей общества, чтобы предотвратить дальнейшее усугубление проблемы усталости [6]. Одним из таких путей и будет философская рефлексия, цель которой – почувствовать «аромат времени» [5]. «Временной кризис будет преодолен только в тот момент, когда *vita activa* (жизнь деятельная) в полном кризисе снова примет *vita contemplativa* (жизнь созерцательную) в свое лоно» [5].

Таким образом, мы можем сформулировать основные функции философской рефлексии:

- анализ и обсуждение основных понятий и идей;
- оценка ценностей (помогает определить собственные ценности и убеждения, а также понять и оценить ценности других людей и культур);
- развитие креативности и интеллектуальной гибкости (философская рефлексия требует от человека гибкости ума и способности мыслить широко и глубоко, что способствует его личностному развитию);
- способность к саморефлексии и самопознанию (философия помогает человеку лучше понимать себя, свои мысли, чувства и мотивы, что позволяет ему контролировать свою жизнь и принимать обдуманное решения);
- функция психологической помощи.

Кроме того, философская рефлексия способствует эмоциональному и духовному развитию человека, помогая ему находить внутренний покой и гармонию, развивать внутреннюю мудрость и креативность. В этом контексте человек приобретает мудрость как добродетель в аристотелевском понимании. Для Аристотеля мудрость является одной из главных добродетелей, которая помогает человеку достичь счастья и гармонии в своей жизни. Мудрость олицетворяет знание и разумное принятие решений, основанных на опыте и размышлениях. Человек должен стремиться к мудрости, чтобы правильно понимать себя и мир вокруг себя, а также принимать обоснованные и мудрые решения. Мудрость позволяет человеку развивать свой потенциал и становиться лучшей версией себя.

Мудрость – это не только интеллектуальное качество, но и нравственная добродетель, которая помогает человеку жить в гармонии с собой и окружающим миром. Таким образом, мудрость играет важную роль в философии Аристотеля как основа для достижения счастья и гармонии в жизни человека [1].

Философская рефлексия, таким образом, играет важную роль в формировании нашего мышления и характера. Она помогает нам лучше понять себя и мир вокруг нас, а также может вдохновить нас на развитие новых идей и концепций.

Философская рефлексия играет важную роль в формировании культуры личности, так как позволяет человеку понять себя и мир вокруг себя более глубоко и осознанно.

Путем философского анализа и размышлений человек начинает задавать себе вопросы о своем существовании, целях и смысле жизни. Это помогает ему выработать свои ценности, убеждения и принципы, которые будут определять его поступки и выбор.

Философская рефлексия позволяет человеку развивать критическое мышление, аналитические способности и способность к саморазмышлению. Это помогает ему быть более ответственным в своих действиях и отношениях с окружающими.

Список литературы

1. Аристотель. Этика / пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; вступ. ст. Ф.Х. Кессиди. – М. : АСТ, 2010. – 492 с.
2. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии и психологии. – 2015. – № 1. – С. 4–16.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Прогресс: Культура, 1992. – 414 с.

4. Усов В.Н. О специфике философской рефлексии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10. – С. 195–201.

5. Хан Б.Х. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. – М. : АСТ, 2023. – 150 с.

6. Хан Б.Х. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. – М. : АСТ, 2023. – 160 с.

7. Чередов П.А. философская рефлексия – познание или авантюра? // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2009. – № 3. – С. 76–80.

УДК 340

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-54-63

Быкариз Александр Игоревич

аспирант

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: abykariz@gmail.com***ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К НАУКЕ
О ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Alexander Ig. Bykariz**

Postgraduate Student

*Perm State University of Humanities and Education, Perm, Russia**614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: abykariz@gmail.com***PHILOSOPHICAL APPROACHES TO THE SCIENCE
OF PROSECUTORIAL ACTIVITY**

Аннотация. Анализируется вопрос об особенностях законодательного закрепления, правоприменительной практики и доктринального понимания прокурорской деятельности. Исторический анализ прокурорской деятельности позволил определить место прокуратуры в системе государственных органов, что обусловило потребность в создании доктрины прокурорской деятельности с учетом философских подходов.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, прокурорский надзор, философия, новаторство, креативность.

Abstract. The article analyzes the issue of the specifics of legislative consolidation, law enforcement practice and doctrinal understanding of prosecutorial activity. The historical analysis of prosecutorial activity made it possible to determine the place of the prosecutor's office in the system of state bodies, which necessitated the creation of a doctrine of prosecutorial activity taking into account philosophical approaches.

Key words: prosecutorial activity, prosecutorial supervision, philosophy, innovation, creativity.

Прокурорская деятельность является важной научной специализацией, которая начала свое развитие с 2012 г. В то время она заменила другое понятие, известное как «прокурорский надзор», которое было широко распространено в течение нескольких десятилетий. Прокурорский надзор представлял собой систему контроля за соблюдением закона и норм правопорядка, осуществляемую прокурорами.

Представляется, что историю российской прокуратуры для более подробного и структурированного изучения можно поделить на этапы: первый этап (1722–1864) – дореформенная прокуратура; второй этап (1864–1917) – пореформенная прокуратура; третий этап (1922–1991) – советская прокуратура; четвертый этап (с 1992 г. до настоящего времени) – новая российская прокуратура.

Историю российской прокуратуры принято исчислять с 12 января 1722 г., когда император Петр I учредил новый государственный орган – прокуратуру – «Око государево» во главе с генерал-прокурором, который назначался на должность непосредственно императором [12].

Создание органов прокуратуры представляло собой долгий процесс: учреждение органов прокуратуры по всей России заняло около 10 лет. Следует также отметить, что в первой половине 1720-х гг. в стране существовало не менее десяти центральных учреждений, не организованных коллегиально (Преображенская, тайная, главная, полицеймейстерская, фискальная канцелярия, счетная приемная, Канцелярия зданий, Дворцовая, медицинская, Ямская канцелярия), в которых прокурор никогда не появлялся [11].

К 1723 г. состав российской прокуратуры оставался небольшим, тогда по всей империи насчитывалось 20 прокуроров (17 прокуроров в центральных учреждениях и мировых судах). Штаты прокуратуры были далеки от «раздутых»: при коллегиальных и судебных прокурорах было не более двух офисных сотрудников, при генеральной прокуратуре – семь, в том числе нотариус. В то же время штаты того времени просто не предусматривали других должностей [2].

Стоит отметить, что с 1722 г. в России появляется качественно новый институт надзора, который носит французское название, но, несмотря на некие схожие моменты, представляет собой исключительное нововведение императора Петра I, который заимствовал европейский опыт и взял из него лучшее. «Петровская» прокуратура была государственным правоохранительным органом, надзиравшим за всеми сферами жизни. Это был представитель некой самостоятельной власти, хотя говорить о полной системе разделения властей в то время не приходится.

После смерти Петра I российская прокуратура потеряла свои передовые позиции, в качестве надзорного ведомства она практически прекратила существование и, по сути, ничем не отличалась от иных исполнительных органов [12].

В период правления императрицы Анны Иоанновны произошло существенное развитие вертикали прокурорской власти путем усиления власти прокуроров на местах – губернских прокуроров [4].

Знаменательным для прокуратуры является период правления Александра I (1801–1825), который своим манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. объявил о создании Министерства юстиции и совмещении функций генерал-прокурора и министра юстиции в одном лице, а значит, о превращении губернской прокуратуры в орган юстиции на местах [18].

Во времена реформ, проводимых Александром II, прокуратура преобразовывалась в связи с созданием демократических судебных органов, адвокатуры. Таким образом, во время проведения данных реформ на плечи прокуратуры легло поддержание государственного обвинения в уголовном процессе, а также «наблюдение за правильным применением закона судебными местами» [4]. Однако в указанный промежуток времени можно говорить об ослаблении роли прокуратуры, что привело к росту бюрократии в стране. Но имели место и плюсы, в частности, были заявлены повышенные требования к сотрудникам органов прокуратуры, так, например, к середине XIX в. уже более 50 % прокуроров в Российской империи имели высшее юридическое образование [4].

Устав гражданского судопроизводства, который был принят 20 ноября 1864 г., можно считать первым российским гражданским процессуальным кодексом. В нем помимо общих норм и принципов гражданского процессуального права содержались уникальные положения, регламентирующие участие прокурора в гражданских делах. Прокурор, участвовавший в судебном процессе, осуществлял функцию надзора в местах губерний и Сената [1].

Перечень дел, по которым прокурор принимал участие в гражданском судопроизводстве, был ограничен. В соответствии со ст. 343 и 394 Устава гражданского судопроизводства к этим категориям относились дела: казенного управления; земских учреждений; несовершеннолетних лиц, глухонемых и умалишенных; об устранении судей; о законности рождения; о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные должностными лицами [13].

В таком виде российская прокуратура функционировала вплоть до Октябрьской революции 1917 г. – крупнейшего политического события XX в., оказавшего кардинальное влияние на дальнейший ход всемирной истории [9].

Данный этап характеризовался значительным усилением роли прокуратуры и повышением уровня законности в Советской России. Последующие преобразования прокуратуры могли бы качественно усилить роль прокуратуры в государстве, однако революция не позволила этому случиться.

Прокуратура в советский период переживала самые разнообразные времена и порождаемые ими проблемы.

После Октябрьской революции система органов прокуратуры в соответствии с марксистской доктриной слома государственного аппарата была ликвидирована. Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. гласил: «Упразднить ранее существовавшие институты судебных следователей прокурорского надзора, а равно институт присяжной и частной адвокатуры» [3].

Отсутствие прокуратуры негативно сказалось на состоянии законности в стране, поэтому В.И. Ленин в 1921 г. поручил Д.И. Курскому (в будущем –

первому советскому прокурору) разработать проект советской прокурорской системы. В мае 1922 г. было принято положение о прокурорском надзоре [15], которое закрепляло тот факт, что прокуратура является независимым органом.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. была учреждена Прокуратура Союза ССР [17]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. утверждено положение о Прокуратуре Союза ССР, которым были определены функции и структура органов прокуратуры [16].

В Конституции СССР 1936 г. впервые появилась целая глава, посвященная прокуратуре. Прокурор СССР осуществлял надзор за исполнением законодательства, вне зависимости от органов власти, и подчинялся лишь закону [8].

Во время Великой Отечественной войны главные силы прокуратуры были брошены на противодействие преступности.

В 1979 г. Верховным Советом СССР принимается закон «О прокуратуре» [6]. Этот закон установил принцип прозрачности и демократизации в деятельности прокуратуры, расширил границы прокурорского надзора, который был необходим, особенно в сфере защиты прав и интересов граждан.

В целом в советский период российской истории органы прокуратуры вернулись к своим истокам – к «петровскому» варианту, возводившему надзорную деятельность в ранг основной. Однако система разделения властей в СССР не применялась, следовательно, отнести советскую прокуратуру к какой-либо из них некорректно. Прокуратура в СССР – это такой же государственный орган, как и любой другой, с несколько отличными от других полномочиями надзорного характера.

Подводя итог всей истории прокуратуры в XX в., можно сделать вывод, что в советский период роль прокурорского надзора сводилась к надзору за выполнением государственных директив, а прокуратура уделяла наибольшее внимание надзору за деятельностью центральных и местных органов исполнительной власти. Помимо этого, Прокуратура СССР выполняла огромное количество дополнительных обязанностей, с которыми часто прокурорские работники

не могли справиться, а это негативно сказывалось на выполнении ими своих основных функций по надзору за законностью и защите прав и свобод человека и гражданина [19]. Между тем стремление придать этому институту государства исключительно уголовно-процессуальное назначение отразилось в концепции судебной реформы в Российской Федерации, принятой 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР [14].

17 января 1992 г. принимается федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт позволил сохранить в России сильную прокуратуру [4]. В связи с проводившейся демократизацией всех сфер жизни большая роль в новом законе отводилась правоохранительной деятельности прокуратуры.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой единую централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Органы прокуратуры РФ в настоящее время имеют разветвление на военную, территориальную, и специализированные прокуратуры.

С появлением нового понятия «прокурорская деятельность» сфера прокурорской деятельности существенно расширилась. Иными словами, прокурорская деятельность стала включать в себя не только надзор за соблюдением закона, но и ряд других функций, к примеру, обеспечение справедливости, защиту прав и интересов граждан, а также непосредственную борьбу с преступностью.

В течение длительного времени в законодательстве и доктрине существовал дисбаланс между формой и содержанием прокурорской деятельности, что раскрывается во взаимосвязи с философскими понятиями. Указанный дисбаланс был разрешен в 2012 г. с вышеотмеченными реформами, что, можно сказать, освободило теоретиков от необходимости приравнивать прокурорский надзор и прокурорскую деятельность, частью которой он является по сути своей.

Указанные изменения можно рассматривать в положительном свете, так как они устанавливают логическую связь между целым и его составляющими.

Справедливости ради отметим, что профессор Н.Н. Карпов акцентировал внимание на необходимости точно определить терминологию научной концепции прокуратуры [7]. Он подчеркивал важность правильности и согласованности терминологического аппарата как в доктрине, так и в законодательстве. По большому счету, позиция Н.Н. Карпова сводится к необходимости установить логическую связь между формой и содержанием прокурорской деятельности.

Анализируя научные подходы к определению прокурорской деятельности, отметим, что существует потребность в определении связи последней с судебной, правозащитной и правоохранительной сферами. Возникает вопрос, насколько правомерно рассматривать данные сферы как единое целое с единым научным статутом. Для того чтобы претендовать на самостоятельное место среди признанных юридических наук, концепции прокурорской деятельности необходимо иметь наукообразное определение, а не только практическую составляющую. Прокурорская деятельность в первую очередь связана с осуществлением надзора за исполнением законов и обеспечением справедливости и правосудия. Рассматриваемая деятельность играет важную роль в поддержании правопорядка и защите общества и государства от преступности в целом.

Однако исследуемая область юридической практики требует основательной научной разработки. Мы согласны с позицией В.Ю. Шобухина о необходимости введения термина «прокурорское право» [19] в научный оборот. На наш взгляд, указанное нововведение позволит более точно определить совокупность правовых норм, которые регулируют вопросы организации и деятельности прокуратуры, а также разработать доктрину прокурорского права в целом. В настоящее время в научных трудах о прокурорской деятельности можно встретить термины «прокурорско-надзорное право» [10] и «прокурорское надзорно-охранительное право» [5], но они, на наш взгляд, ограничивают область прокурорской деятельности.

Говоря о философских подходах к науке о прокурорской деятельности, стоит упомянуть и об эстетической стороне исследуемого нами вопроса. Несмотря на то что многие научные труды о прокурорской деятельности страдают

шаблонностью и следуют устаревшим традициям, мы не должны забывать о значимости новых взглядов на проблемы и о необходимости развития науки. Важно отметить, что ряд ученых, включая автора этой статьи, начинали свою научную деятельность с нуля. Их первоначальные знания и опыт были ограничены учебниками и позициями преподавателей, следовательно, указанные авторы использовали уже существующие подходы и методы научного исследования.

Тем не менее вышеизложенное вовсе не означает, что мы не должны стремиться к новаторству и креативности. Креативность в научной работе, безусловно, играет важную роль. Можно сказать, благодаря новаторству и креативности нам дозволено видеть проблемы с разных сторон, искать нестандартные решения и предлагать новые идеи. Креативность помогает науке развиваться, открывая новые горизонты и расширяя наше понимание как науки о прокурорской деятельности, так и всякой науки в целом. Однако, несмотря на важность креативности, ее применение в научной работе может столкнуться с препятствиями.

Подводя итог, отметим, что некоторые исследователи стремятся сохранить старые методы и научные подходы (в угоду чистоты научной мысли), боясь новшеств, что, на наш взгляд, приводит исключительно к обструкции, ограничению разнообразия в научных исследованиях. С целью преодоления указанных препятствий новаторам науки следует попросту обосновывать свои идеи убедительно и логически, соответственно с устоявшимися концепциями.

Список литературы

1. Андреева О.А., Яновский Е.С. Институт участия прокурора в гражданском процессе в истории Российского государства и права // История государства и права. – 2012. – № 21. – С. 38–41.
2. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. – СПб., 1997. – С. 15.
3. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – 24 нояб.

4. Ергашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для бакалавров. – Екатеринбург : Раритет, 2016. – С. 175.
5. Ергашев Е.Р. Прокурорское надзорно-охранительное право как составляющая единой системы отечественного права // Таможенное дело. – 2007. – № 2. – С. 29.
6. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-Х (ред. от 07.01.1988) «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1979. – № 49. – Ст. 843.
7. Карпов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. – 2014. – № 8. – С. 7–11.
8. Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Кучинская Е.В. История возникновения, становления и развития российской прокуратуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2014. – № 2(16) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-stanovleniya-i-razvitiya-rossiyskoj-prokuratury> (дата обращения: 07.05.2024).
10. Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. – С. 13.
11. Новиков А.А. Создание прокуратуры в России // Вестник ТГУ. – 2013. – № 1(117) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-prokuratury-v-rossii> (дата обращения: 07.05.2024).
12. Павлов В.С. Общенадзорная функция российской прокуратуры в период самодержавия (1722–1917) // Символ науки. – 2015. – № 3. – С. 19.
13. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. – М., 1983. – С. 49–51.
14. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 31 окт. – № 44. – Ст. 1435.
15. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре» // Известия ВЦИК. – 1922. – 16 июня. – № 132.

16. Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 «Положение о прокуратуре Союза ССР» // СЗ СССР. – 1934. – № 1. – Ст. 26.

17. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.06.1933 «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1933. – 21 июня. – № 155.

18. Скобина Е.А., Шастина М.А. История советской прокуратуры с 1922 по 1991 год // Молодой ученый. – 2017. – № 8. – С. 256–260 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/142/40066/> (дата обращения: 07.05.2024).

19. Шобухин В.Ю. Возникновение и историческое развитие прокурорского надзора в России // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 13.

УДК 141.7

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-64-80

Дьяков Евгений Дмитриевич
аспирант

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: jenyaded99@mail.ru*

**СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО
ДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ**

Evgeny D. Dyakov
applicant

*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
614990, Perm, 24, Sibirskaya, e-mail: jenyaded99@mail.ru*

**SOCIAL TIME AND SPACE
OF ACTION OF MODERN STUDENT DETACHMENTS**

Аннотация. Проводится анализ теоретических аспектов социального времени и социологических интерпретаций категории «Социальное пространство», особенностей социального времени и пространства, в которых действуют студенческие отряды, основных направлений их деятельности и вклада в развитие общества; оценивается влияние студенческих отрядов на процесс социализации молодежи.

Ключевые слова: студенты, студенческие отряды, социальное время, социальное пространство.

Abstract. An analysis of the theoretical aspects of social time and sociological interpretations of the 'Social Space' category, the features of social time and the space in which student detachments operate, their main areas of activity and contribution to the development of society; the influence of student detachments on the process of socialization of youth is assessed.

Key words: students, student detachments, social time, social space.

В настоящее время наша страна вновь переживает период экономической и социальной модернизации, которая осуществляется в условиях жесткого противостояния со странами Запада. Вновь требуется мобилизация всех сил страны,

чтобы сохранить ее суверенитет и безопасность. Одним из интереснейших опытов мобилизации усилий молодежи страны является формирование студенческих отрядов. Государство поддерживает возрождение студенческих движений, воссоздаются лагеря для активной молодежи, направленные на воспитание патриотизма.

Сегодня как никогда актуальным является изучение опыта организаций студенческих объединений, который был накоплен в высших учебных заведениях России. Необходимо отметить, что их социальное время и пространство действия слабо изучены. Цель статьи – привлечь внимание общественности к деятельности студенческих отрядов.

Социальное время – это время существования, функционирования и развития общества и его разноуровневых социальных систем. Время является естественным и социальным ресурсом для деятельности социальных акторов, а его измеримость позволяет внедрить количественный подход к изучению деятельности. Существует три «модуса» социального времени: исторический, структурный и системный.

По мнению Л.М. Лопатина, самая важная характеристика времени – это то, что «оно течет, непрестанно проходит». «Прошлого уже нет, будущего еще нет; все движение времени идет мимо некоторого неподвижного момента настоящего... Вся действительность времени заключается в его нереальности». Действителен только ускользающий момент настоящего, в котором нет ни длительности, ни реальности [11. Ч. 2, с. 290–300]. Как отмечает И.Н. Дьяков, это – воспроизведение свойственного механическому естествознанию представления о времени в виде однородной прямой линии как пространственного аналога.

И.Н. Дьяков высоко оценивает вклад А. Бергсона в изучение интересующей нас области. Если А. Эйнштейн и Г. Минковский устранили ньютоновское абсолютное время в физике, то А. Бергсон сделал это в философии. Он продемонстрировал феномен реализации времени, что, несомненно, стало одним из важнейших шагов на пути к «овладению» времени. И.Н. Дьяков видит за-

службу А. Бергсона в его борьбе с пониманием времени в виде однородных прямых линий. Под его влиянием он сделал шаг к собственно «социальному времени» с материалистическим, по сути, взглядом на время. Время едино, его наиболее характерное свойство – непрерывность, а единство – «интенсивно». «Всякая деятельность (волепроявление) и всякое движение (проявление силы) совершаются во времени и необходимо тяготеют к производящему их агенту или центру» [8, с. 15]. Время – это «своеобразный процесс непространственных изменений, носящих исключительно качественный характер» [8, с. 7].

Суть положений И.Н. Дьякова заключается в согласованности времени и деятельности, влиянии прошлого на настоящее и будущее, возможности и роли человеческой деятельности по отношению к настоящему и особенно будущему времени.

П.А. Сорокин – первый русский социолог XX века. Его стали характеризовать как передового русского социолога уже в начале 1920-х гг. Это выражается в разных аспектах. Во-первых, в том, что его работы этого периода легли в основу его будущих фундаментальных трудов по социальной дифференциации и мобильности, социологии революции и социологии перемен. Во-вторых, разнообразие его работ: от эмпирических (исследования голода) до теоретических (системы социологии). В-третьих, в разнообразии тем, охватывающих основные социальные явления и процессы (социальные группы, их изменчивость, войны, преступность и т. д.). В-четвертых, в хорошем знании состояния современной мировой социологии, особенно американской, которая наиболее привержена эмпирическим исследованиям. В-пятых, в методологических принципах – использовании различных теоретических подходов и предпочтении объективного подхода.

При подготовке «системы социологии» [16] П.А. Сорокин в значительной степени опирался на работы крупнейших социологов XIX – начала XX в., отечественную и зарубежную социологическую литературу. Однако в «системе социологии» нет ни одного упоминания о месте категории времени в социологии или о модификации времени под названием «социальное время». Этот факт ясно

показывает, что, несмотря на отдельные попытки применить данные об использовании времени к анализу экономических и социальных изменений, в теоретической социологии того времени этого понятия не существовало.

В «системе социологии» термин «время» используется в историческом стиле в связи с рассмотрением изменений в обществе. Однако в своей исследовательской программе [15], обсуждавшейся и утвержденной в год выхода «системы социологии», Сорокин делает резкий шаг в сторону «структурного» времени, стремясь изучить структуру повседневной деятельности, выраженную в показателях времени, в различных социальных и профессиональных группах.

П.А. Сорокин провел первое в мире социологическое исследование использования времени с помощью метода бюджета времени, которое легло в основу статьи [20] (в соавторстве с Р. Мертоном).

В.Н. Муравьев в своей основной книге по проблеме социального времени (1924) утверждает, что «во всех науках можно сейчас найти постановку в том или ином виде вопроса о времени» [12, с. 100], и берет на себя труд рассмотреть эту проблему «с философской, логической, математической, социологической и организационной точек зрения». И не только теоретически, но и в сочетании с практикой, не только с научной, но и с «развивающейся в России в последнее время практикой социально-организационной», используя как индивидуальный опыт, так и «деятельность социально-исторических групп» [12, с. 96–98].

В.Н. Муравьев использует два основных термина. Книга называется «Овладение временем», но он часто использует термин «преодоление». «Преодоление времени» – это преодоление конечности и дискретности времени в конкретной деятельности, поведении конкретного человека или конкретной социальной системы, сохранение этой деятельности и ее результатов в памяти или иной форме.

«Овладение временем» – свободная деятельность людей в соответствии с их знаниями о законах функционирования и развития общества как социальной системы. В.Н. Муравьев называет «овладением временем всякое вообще содержательно и целесообразно произведенное изменение в природе (и обществе),

поскольку оно создает или воссоздает реальность согласно имеющемуся образцу» [12, с. 126]. В этом выражается роль каждого человека в преодолении и освоении времени. «Всякое сознательное целесообразное действие, дающее намвласть над природой, есть в самом деле овладение временем» [12, с. 229].

«Теория овладения временем сводится, в первую голову, к теории построения... прежде всего коллективов человеческих» [12, с. 106]. «Использование времени переходит в овладение им» [12, с. 98]. В.Н. Муравьев называет овладение временем «одной из главных среди разумных целей человека» [12, с. 107].

Овладение временем, по мнению В.Н. Муравьева, – это «не стремление к пустому бытию, к продолжительности времени, могущего быть наделенным любым содержанием, а к жизни, содержащей полноту всех осуществляемых возможностей» [12, с. 229].

Однако «время» чаще всего относится не к абстрактному, абсолютному или просто астрономическому времени, а к индивидуальному или социальному времени, которое используется тем или иным образом.

Понятие пространства – одно из самых фундаментальных в человеческой мысли. Его реализация, во-первых, неотъемлема от категории времени как хронотопа, пространственно-временного континуума, а во-вторых, органически присуща нам как реальности, охватывающей и включающей в себя человеческие существа.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель, которого называют основателем пространственной социологии, был первым исследователем, использовавшим такую формулировку. Термин «социальное пространство» был введен в социологию Г. Зиммелем в его работе «Социология пространства» (1903) [10]. В его интерпретации пространство является социальным, поскольку в нем доминируют люди. И по этой же причине пространство может иметь границы, которые определяются распространением влияния, активными связями и зонами человеческой деятельности. Таким образом, взаимодействие людей по отношению к пространству – это его наполнение и придание ему социального смысла. Однако тот факт, что термин «социальное пространство» ввел в научный оборот

Г. Зиммель, а А.Ф. Филиппов обратил на него внимание [18, с. 64], не является общепризнанным; М.С. Терещенко [17] отмечает, что термин «социальное пространство» был введен французским социологом П. Бурдьё значительно позже, в работе «Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение» (1990) [4, с. 49–64], для обозначения абстрактного пространства, состоящего из совокупности подпространств, или полей, обязанных своей структурой неравномерному распределению отдельных видов капитала.

Интересна работа соавторов П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [2] для анализа деятельности студенческих отрядов. Их теоретико-методологический подход ценен тем, что эмпирически и теоретически рассматривает наиболее сложный объект наблюдения и интерпретации – повседневную жизнь. Важно, что авторы утверждают: интерессубъективность как необходимое условие существования и воспроизводства социальной реальности в целом и социального пространства в частности возникает и поддерживается в процессе коммуникации индивидов.

Однако в общественном сознании отсутствовала однозначность в терминологическом обозначении социально-пространственных характеристик. В качестве синонимов использовались такие понятия, как «общественное пространство», «пространство общества», «пространственный фактор общества», «пространственная сторона социальных явлений», «пространство социальной деятельности» и т. п. Например, Г.Е. Зборовский рассматривает «пространство и время как формы социального бытия», «общественное пространство» анализируется В.Г. Черниковым. О «социальной организации пространства» – аналитическая работа В.Г. Виноградского. Диссертационное исследование Ю.А. Очкура посвящено «социальному пространству» [9; 19; 5; 14].

Обзор определений социального пространства в социологической литературе выявляет как узкие, так и широкие трактовки. Например, в подходе В.И. Добренькова и А.И. Кравченко в рамках общей социологической теории предлагается трактовка социального пространства как «воображаемого конти-

нуума, имеющего заданное число осей измерения (координат), с помощью которого описывается структура общества» [7], что представляется неоправданно узким; В.Ф. Анурин определяет социальное пространство как «совокупность всех социальных статусов данного общества» [1]. Если социальное пространство понимается как континуум статусов, то социальный статус, единственный и исчерпывающий критерий стратификации, связывает все остальные социальные характеристики актора. Если же социальное пространство понимается как воображаемый континуум социальных взаимодействий, то его осями должны быть не только статусные социальные характеристики, но и ценности, нормы, мотивы, мнения, восприятия и стили жизни. Они, конечно, соотносятся со статусом, но эта связь отнюдь не функциональна.

О.С. Голованов более широко определяет социальное пространство – как «социально освоенную часть природного пространства как среды обитания людей, пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности общества и предметного мира человека, характеристику социальной структуры общества с точки зрения “расположения” социальных группы слоев, “пространства” (условий, возможностей) их развития» [6]. Словарь по социологии также дает два контекстуальных толкования: место социальной активности, включающее значимые социальные группы, индивидов, совокупность объектов в том или ином взаимном расположении, и восприятие индивидом или группой своего места в обществе [3]. Однако ни одно из этих определений не является исчерпывающим.

Социальное пространство – это форма общественного развития, многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик и социальных статусов, функционально связанных с физическим пространством и социальными характеристиками самого пространства как места.

Студенческие отряды действуют в определенном социальном времени и пространстве, которые оказывают значительное влияние на их деятельность и взаимодействие. Особенности социального времени и пространства, в которых функционируют студенческие отряды:

1) Временные рамки: студенческие отряды часто действуют в течение ограниченного времени, например, во время летних каникул или в периоды между учебными семестрами. Это создает особую атмосферу сосредоточенной и продуктивной работы на определенный срок.

2) Социальная динамика: участие в студенческих отрядах позволяет студентам вступить в новые социальные отношения и общественные группы. Это способствует формированию командного духа, развитию лидерских качеств и умению работать в коллективе.

3) Пространственные условия: работа студенческих отрядов часто связана с проведением различных мероприятий, ремонтных работ, экологических и волонтерских (добровольческих) акций и других видов деятельности на определенной территории. Это требует адаптации к новым условиям и совместной работы в конкретном пространстве.

4) Образовательный контекст: студенческие отряды часто имеют образовательную составляющую, направленную на приобретение новых знаний и навыков. Участие в таких отрядах позволяет студентам применить теоретические знания на практике и расширить свой профессиональный опыт.

5) Социокультурное воздействие: деятельность студенческих отрядов может оказывать влияние на социокультурные процессы в обществе, способствуя формированию ценностей гражданского общества, развитию экологического сознания и участию в социально значимых проектах.

Таким образом, социальное время и пространство, в которых действуют студенческие отряды, формируют особую среду для развития студентов как личностей, способствуют социальной адаптации, обучению и участию в общественной жизни.

Основные направления деятельности студенческих отрядов:

1) Студенческие строительные отряды работают на различных строительных площадках нашей страны (региональных и всероссийских). Представители

строительных отрядов приобретают опыт работы по следующим специальностям: плотник, сварщик, каменщик, стропальщик, монтажник, арматурщик, кровельщик, дорожный рабочий, штукатур-маляр и мн. др. Российским студенческим отрядам доверяют строительство объектов олимпийского значения, Универсиады в Казани, Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения, мостовых переходов во Владивостоке в рамках подготовки к Саммиту АТЭС, космодрома «Восточный», а также многих других объектов международного и всероссийского значения.

Строительная отрасль является индикатором экономического роста государства. В то же время особенности российских климатических условий Сибири и Дальнего Востока приводят к тому, что строительные работы могут вестись только в короткие летние месяцы. По этой причине многие предприятия не имеют возможности держать в штате специалистов круглый год. В таких условиях участие студенческих строительных отрядов – лучший выход.

2) Студенческие отряды проводников – работа студентов в холдинге «Российские железные дороги» проводниками пассажирских вагонов. Это направление подходит для людей, которые любят путешествия и яркие впечатления. Постоянно меняющиеся пейзажи за окном, калейдоскоп новых лиц, общение с разными людьми – это внешняя сторона работы студенческого отряда проводников, известная как романтика железной дороги.

Внутренний смысл работы проводника заключается в обеспечении максимального комфорта для пассажиров в транспортном средстве. Говоря метафорически, проводник – это «маленький хозяин большого вагона», в котором живут и постоянно меняются люди на пути следования поезда. Кроме того, проводник занимается техническим оснащением вагонов, таким как водоснабжение, отопление, электричество и вентиляция, а также отвечает за гигиеническую чистоту вагонов. В зимнее время еще и физическая нагрузка – очистка от наледи подвагонного оборудования. Железнодорожный транспорт – это отрасль с высоким уровнем риска, и правилами пренебрегать нельзя.

3) Студенческие педагогические отряды ежегодно организуют отдых детей в различных регионах страны, а также работают в крупных федеральных детских центрах: «Орленок», «Смена», «Океан», «Артек». Помимо обеспечения занятости студентов участие в студенческих педагогических отрядах позволяет им:

- развить дополнительные профессиональные навыки;
- пройти практическую школу для будущих учителей;
- дать возможность студентам и школьникам установить социально-экономические отношения на рынке труда.

4) Студенческие сельскохозяйственные отряды занимаются посевом и сбором сезонных культур; участвуют в полном цикле переработки рыбы: от погрузки и очистки до упаковки икры; работают в животноводческих хозяйствах ветеринарами и зоотехниками. Студенческие сельскохозяйственные отряды подразделяются на следующие профили: животноводческие, путинные, механизированные отряды, отряды благоустройства и озеленения.

Сегодняшние студенты сельскохозяйственных вузов – это завтрашние работники агропромышленного комплекса страны. Они, получая азы практических навыков на различных сельскохозяйственных площадках и предприятиях, будут кадровым потенциалом отрасли, способным вывести ее на качественно новый уровень. Такие мероприятия способствуют воспитанию молодежи, которая любит свою малую родину и уважает сельских тружеников.

5) Студенческие медицинские отряды в период отпусков молодых и средних медицинских работников, а также в условиях повышенной сезонной нагрузки в курортных медицинских учреждениях являются реальным подспорьем в практической медицине. Современные условия рынка труда предъявляют значительно более высокие требования к уровню подготовки выпускников медицинских вузов. Студенческие медицинские отряды приобретают еще большее значение в подготовке будущих медицинских специалистов, воспитывая не только профессиональные компетенции, но и настойчивость, трудолюбие, любовь к профессии, творческие способности, умение служить обществу и, конечно же, социально активную общественную позицию.

Студенческий медицинский отряд под руководством опытных врачей строится на органичном единстве базовых знаний, практических навыков, четкого понимания будущей профессиональной деятельности, опыта работы в профессиональном сообществе, активного общения с потенциальными работодателями и дальнейшего трудоустройства в системе первичной медико-санитарной помощи Российской Федерации.

б) Студенческие сервисные отряды – это работа в сфере гостеприимства. Приветливая улыбка, создание приятной атмосферы праздника и забота о людях – все это входит в обязанности члена сервисного отряда. Бойцы работают официантами, барменами, кухонными работниками, спасателями, горничными, швейцарами, хостес, озеленителями и по другим профессиям.

Студенческие сервисные отряды обслуживают гостей в гостиницах, ресторанах, на предприятиях общественного питания, отдыха, развлечений, конференциях, семинарах, выставках, крупных национальных и международных съездах, а также в детских оздоровительных лагерях. Современные студенческие сервисные отряды имеют обширный практический опыт и прочную репутацию в индустрии гостеприимства [13].

7) Студенческие профильные (специализированные) отряды – это отряды студенческой молодежи, организованные для выполнения работ на предприятиях и в компаниях, соответствующих профилю их обучения. В настоящее время профильные студенческие отряды также имеют множество специализаций, огромное количество направлений работы: отряды охраны правопорядка, спасательные, социальные, волонтерские, экологические, поисковые, энергетические, археологические, медиаотряды и мн. др.

8) Трудовые отряды подростков – это добровольное объединение обучающихся, осваивающих основные образовательные программы основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, в возрасте от 14 до 17 лет, изъявивших желание в свободное от учебы время принимать

участие в трудовой деятельности и общественно полезной работе для дальнейшего профессионального самоопределения.

Основными целями деятельности трудовых отрядов подростков являются реализация социальных и трудовых инициатив подростков и приобретение ими навыков профессиональной трудовой и управленческой деятельности, содействие личностному развитию, а также процессам трудовой и социальной адаптации подрастающего поколения путем объединения усилий заинтересованных сторон для качественной подготовки, организации и проведения мероприятий, направленных на профориентационную деятельность несовершеннолетних.

Помимо трудовых направлений деятельности студенческие отряды играют значительную социальную роль в развитии общества через такие виды деятельности, как:

1) социальная помощь и волонтерство: студотряды активно участвуют в различных благотворительных и волонтерских проектах, оказывая помощь нуждающимся слоям населения; они проводят акции помощи, благотворительные мероприятия, работают с социально уязвимыми группами, что способствует улучшению качества жизни людей и формированию здорового общества;

2) экологические инициативы: студотряды активно занимаются экологическими проектами, проводят акции по озеленению, уборке территорий, экологическому просвещению; их усилия направлены на сохранение окружающей среды, борьбу с загрязнением и создание экологически чистого общества;

3) образовательные мероприятия: студенческие отряды организуют для студентов и школьников лекции, семинары, мастер-классы, способствуя распространению знаний, развитию культуры и образования в обществе; развитие молодежного предпринимательства: студенческие отряды помогают молодым людям развивать предпринимательские навыки и запускать собственные проекты; они организуют стартап-мероприятия, конкурсы и программы поддержки молодых предпринимателей;

4) культурные и спортивные мероприятия: студенческие отряды помогают развитию культуры и спорта в обществе, организуя фестивали, выставки,

спортивные соревнования; это способствует духовному и физическому развитию людей, формированию позитивной общественной атмосферы.

Одна из самых значимых акций студенческих отрядов в Пермском крае – молодежная патриотическая акция «Десант Прикамья». Это мероприятие, направленное на патриотическое воспитание молодежи и развитие волонтерского движения в Пермском крае.

На десять дней студенты отправляются в отдаленные районы края. Ребята проводят мастер-классы, профориентационную работу, спортивные игры в школах, оказывают шефскую помощь населению, дают концерты для жителей сел и деревень.

Цель акции – создание условий для профессионального самоопределения и повышение уровня социальной активности молодежи, воспитание молодежи в духе патриотизма.

За этой большой целью стоят месяцы усердных репетиций концертных программ, собрания, встречи, обучающие мероприятия и десятки выходов на акцию «Десант одного дня».

Молодежная патриотическая акция «Десант Прикамья» проходит в рамках Всероссийской патриотической акции «Снежный десант РСО».

Таким образом, студенческие отряды вносят значительный вклад в развитие общества, обеспечивая трудоустройство студентов, организацию детского отдыха и помощь в различных сферах деятельности.

Студенческие отряды оказывают значительное влияние на процессы социализации молодежи.

Влияние на процессы социализации молодежи:

1) Создание сообщества: в студенческих отрядах молодые люди находят общие интересы, ценности и цели, что способствует формированию дружеских связей и социальной поддержке.

2) Развитие лидерских навыков: участие в студенческих отрядах развивает лидерские навыки молодежи, умение управлять конфликтами, общаться и работать в команде.

3) Социальная ответственность: участие в социальных проектах через студенческие отряды позволяет молодежи осознать свои социальную ответственность и влияние на окружающее общество.

4) Развитие эмпатии: работа в студенческих отрядах часто включает в себя взаимодействие с различными группами людей и помогает развивать эмпатию и понимание разнообразия.

Студенческие отряды способствуют социализации молодежи, так как предоставляют возможность молодым людям адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, учиться принимать эффективные решения, развивать лидерские качества и инициативу.

В целом студенческие отряды играют важную роль в социализации молодежи, помогая ей развивать социальные навыки, осознавать свою социальную ответственность и влиять на общество через реализацию социальных проектов.

Современные студенческие отряды представляют собой организации, объединяющие студентов для совместной деятельности в различных областях. Они занимаются различными видами деятельности: от волонтерской работы и экологических проектов до спортивных и культурных мероприятий.

Социальное время в студенческих отрядах насыщено и разнообразно. Это время, проведенное вместе с единомышленниками, где студенты общаются, участвуют в общественных мероприятиях, реализуют свои идеи и проекты, а также развивают лидерские навыки.

В рамках социального времени студенческие отряды проводят различные мероприятия, такие как тематические вечера, конкурсы, образовательные лекции, спортивные соревнования, походы и путешествия. Важно, чтобы это время было не только интересным и развлекательным, но и способствовало развитию личности студентов, формированию командного духа и дружеских отношений.

Социальное пространство действия современных студенческих отрядов представляет собой среду, в которой студенты взаимодействуют, общаются, со-

трудничают и развиваются. В этом пространстве происходит формирование коллектива, установление взаимоотношений участников и развитие общих ценностей и идей.

Важными элементами социального пространства действия современных студенческих отрядов являются:

1. Коммуникация: в студенческих отрядах студенты имеют возможность общаться, выражать свои мысли и идеи, делиться опытом, учиться друг у друга. Коммуникация способствует формированию доверия и понимания между участниками.

2. Совместная деятельность: студенческие отряды проводят различные мероприятия и проекты, в которых участвуют все члены коллектива. Это способствует развитию командного духа, сотрудничества и раскрытию потенциала каждого участника.

3. Обучение и развитие: в рамках социального пространства студенческие отряды организуют образовательные мероприятия, тренинги, лекции, мастер-классы, которые способствуют развитию личности участников, приобретению новых знаний и навыков.

4. Создание общих ценностей: участие в студенческом отряде формирует общие ценности, принципы и убеждения, которые объединяют их в коллективе. Это способствует созданию единого сообщества с общей целью.

5. Развитие лидерских качеств: социальное пространство студотрядов способствует развитию лидерских навыков у участников, позволяя каждому проявить себя в роли организатора, руководителя или инициатора проектов.

6. Трудовая деятельность: студенческие отряды участвуют в деятельности различных отраслей хозяйства, решая общую производственную задачу и реализуя общественно полезные программы.

7. Патриотическое воспитание: движение студенческих отрядов способствует формированию сознания молодежи в духе патриотизма, поддерживает и развивает традиции движения.

8. Творческий и спортивный потенциал молодежи: студенческие отряды развивают творческие и спортивные способности молодых людей.

9. Формирование кадрового резерва: студотряды вносят вклад в формирование кадрового резерва для различных отраслей экономики России.

Таким образом, социальное пространство действия современных студенческих отрядов играет важную роль в формировании личности студентов, развитии их социальных навыков, а также создании дружественной и поддерживающей атмосферы для всех участников.

Список литературы

1. Анурин В.Ф. Основы социологических знаний: Курс лекций по общей социологии / Новгород. коммерч. ин-т. – Н. Новгород, 1998. – 358 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
3. Большой словарь по социологии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.rusword.com.ua. – Загл. с экрана.
4. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / пер. с фр., общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко // Социология социального пространства. – СПб. : Алетейя; М. : Изд-во Ин-та эксперим. социологии, 2005. – 288 с.
5. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства: Философско-социологический анализ. – М. : Наука, 1988. – 189 с.
6. Голованов О. Краткий словарь по социологии. – Кыштым : Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2001. – 215 с.
7. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология : учебник. В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 624 с.
8. Дьяков И.Н. Проблема взаимоотношения субстанции и времени. Этюд. – М., 1917.
9. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия / Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1974. – 184 с.
10. Зиммель Г. Социология пространства // Избранное. В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. – М. : Юристъ, 1996. – 607 с. – (Серия «Лики культуры»).

11. Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. В 2 ч. – М., 1911.
12. Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Муравьев В.Н. Овладение временем. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 93–238.
13. Направления работы [Электронный ресурс] // Сайт молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды». – Режим доступа: <https://трудкрут.рф/> (дата обращения: 06.05.2024).
14. Очкур Ю. А. Социальное пространство (философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1990. – 14 с.
15. Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности. – Пг., 1921. – Вып. 3. – С. 397–426.
16. Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. – М. : Наука, 1993.
17. Терещенко М.С. Социальное пространство // Социология : энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов [и др.]. – Минск : Кн. дом, 2003. – 1312 с.
18. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 290 с.
19. Черников В.Г. Общественное пространство: социально-философский анализ. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 195 с.
20. Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. – 1937. – Vol. 42. – P. 615–639.

II. РОЛЬ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

УДК 378.147

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-81-92

Краузе Александра Анатольевна

кандидат философских наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и общественных наук

Шуминская Светлана Игоревна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры философии и общественных наук

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия*

*614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: krauze@pspu.ru,
solovieva.sv2017@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Alexandra A. Krause

Ph.D., Associate Professor, Head. Department of Philosophy and Social Sciences

Svetlana I. Shuminskaya

Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences

*Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia
614990, Perm, Sibirskaya, 24, e-mail: krauze@pspu.ru, solovieva.sv2017@yandex.ru*

THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация. Рассматривается проблема формирования и развития духовно-нравственных ценностей в условиях современной высшей школы. От актуализации личной воспитательной деятельности педагога зависит результативность духовно-нравственного воспитания, развития личности учащегося. Предлагаются возможные пути формирования мотивации педагогической деятельности и вовлеченности обучающихся в процесс формирования духовно-нравственных ценностей. Научная новизна представлена в раскрытии комплекса мер, направлен-

ных на формирование у студентов духовно-нравственного и ценностного аспекта и включающих пассивные и активные мероприятия. С его помощью возможно создание специфической образовательной среды, обеспечивающей практико-ориентированный подход к формированию ценностей посредством общественно полезной деятельности.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, образовательная среда, ценности, личность, идентичность, общечеловеческие ценности, деятельность.

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation and development of spiritual and moral values in the conditions of modern higher education. The achievement of the effectiveness and efficiency of spiritual and moral education and the prospects for the development of the student's personality depend on the actualization of the teacher's personal educational activities. The authors of the article propose possible ways to form motivation for teaching activities and involve students in the process of forming spiritual and moral values. Scientific novelty is presented in the disclosure of a set of measures aimed at developing the spiritual, moral and value aspect of students and including passive and active activities. With its help, it is possible to create a specific educational environment that provides a practice-oriented approach to the formation of values through socially beneficial activities.

Key words: spiritual and moral education, educational environment, values, personality, identity, universal values, activity.

Введение

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности является ключевой задачей современной государственной образовательной политики Российской Федерации. Данный аспект воспитательной парадигмы важен тем, что обеспечивает формирование зрелого гражданина, ориентированного на законопослушность, правопорядок, доверие, развитие экономики и социальной сферы, качество труда и общественных отношений. От принятия гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей и следования им в личной и общественной жизни зависит суверенитет и безопасность государственной сферы. При формировании политики духовно-нравственного воспитания акцент традиционно делался на сферу общего образования. Новый федеральный государственный стандарт общего образования ставит одной из задач «духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся на ступени начального образования, становления их гражданской идентичности как основы развития

гражданского общества» и, как результат, «формирование целостного, социально ориентированного взгляда на мир в его органичном единстве и разнообразии природы, народов, культур и религий» [13].

В последнее время становится понятно, что необходимо выстраивать непрерывную линию воспитательной работы с переходом на высшую школу. Особенно это актуально для педагогических вузов, где подготовка специалистов ведется не только по предметному принципу, но и с освоением воспитательных практик. Следует также отметить, что при формировании и освоении практики духовно-нравственного воспитания необходимо учитывать накопленный опыт отечественной науки, в том числе философской. По замечанию русского философа И.А. Ильина, аксиология, аккумулирующая в себе классическую отечественную и зарубежную культуру, «свободна от односторонних крайностей, основательна, систематична, последовательна и полна; она может стать надежным ориентиром в теоретической разработке и практическом решении таких вопросов, как духовно-ценностные основы бытия человека, воспитания и образования, семьи и Родины, правосознания и государства, труда и собственности, культуры и армии; она способна быть необходимой предпосылкой развития современной философии и культурологии, этики и эстетики, философии религии и педагогики, политологии и права» [3, с. 6].

Это необходимое условие, поскольку духовно-нравственная сфера всегда является фактором индивидуализации и идентификации того или иного этноса, общества, государства. Идентичность является важнейшей целью духовно-нравственного воспитания. По замечанию Ю. Хабермаса, идентичность формирует ощущение солидарности и единство общества. [14, с. 8]. Особую роль в процессе идентичности играет макрообщность, отражающая духовную близость людей, их тождественность компенсирует самоидентификацию российского общества с великой страной, империей [8, с. 81].

В русской философии существует множество примеров, которые могут выступить отправной точкой, ориентиром для формирования целей, задач и содержания духовно-нравственного воспитания. Споры по поводу сути духовности и

патриотизма в России имеют долгую историю. Особенно можно выделить XIX и XX вв. И то, почему так непросто эта проблема находит свое решение в современном российском обществе, в том числе в сфере образования, очень точно охарактеризовал русский философ Н.А. Бердяев, который, высказываясь о социальной и политической борьбе начала XX в., где «часто забывают о России», полагал, что в основе власти, а значит и государства, и общества должна лежать первичность, глубина, духовность, интимность [1, с. 486, 619]. Более того, национальную, духовно-нравственную сферу общества Бердяев сопоставлял со страстью, которая необходима для существования смысла государства и человека.

На современном этапе развития российского общества формирование духовно-нравственных ценностей ориентировано на решение целого ряда задач. Одна из приоритетных задач обусловлена новой реальностью, которая связана с информационным обществом. Огромное воздействие на сознание человека оказывают средства массовой информации. Они задают тренд ценностям в обществе, которые носят утилитарный смысл. В мире высоких технологий и масштабного производства материальных благ на второй план уходит мысль о том, что основа любого общества – это прежде всего моральные принципы и законы. Опора на идею потребления и обогащения влечет за собой потерю смысловых жизненных ориентиров личности. Кроме того, именно сегодня, в эпоху стремительного развития информационных технологий и искусственного интеллекта, особенно актуальными становятся вопросы духовно-нравственного развития, поскольку человеческому обществу необходимо смысловое наполнение для технологической направленности современной цивилизации.

Исследование и его результаты

Каким образом сегодня возможно добиться возрождения духовности? Прежде всего при помощи правильного воспитания. Духовно-нравственное воспитание направлено на формирование гармоничной личности, которая при принятии жизненных решений ориентируется прежде всего на существующие в об-

ществе нормы нравственного поведения. Именно нравственные принципы человека составляют «стержень» личности, определяют его убеждения, идеи, позицию. Духовность позволяет человеку поступать по совести, по справедливости.

Огромная роль в процессе духовно-нравственного воспитания всегда отводилась системе образования, и сегодня ее роль только возрастает. Как отмечает Н.А. Ольшанникова, «ключевая роль системы образования – запускать процессы формирования социальных смыслов» [7, с. 25–29]. Задача системы образования сегодня – сделать максимум для преодоления кризиса нравственной культуры современного общества, предоставить новым поколениям возможность развиваться в духе гуманизма, любви и уважения к человеку.

В современном педагогическом сообществе Российской Федерации ведется активное обсуждение и даются глубокие характеристики целей, средств, субъектов воспитательного процесса, направленного на формирование духовно-нравственных ценностей. К примеру, по мнению Г.С. Хаковой, немаловажным фактором воспитания духовно-нравственных ценностей являются социальные институты: образовательные учреждения, «в стенах которых школьники и студенты проводят немало времени, должны стать платформой, на которой закладываются и получают дальнейшее развитие привычки, способствующие формированию духовно-нравственной личности» [15, с. 93–96].

Безусловно, основы нравственного воспитания закладываются в семье – это база, на которой строится весь последующий опыт человека. Но с учетом идей возрастной психологии мы можем утверждать, что в юности человек в большей степени ориентируется на ценности, которые приняты в его возрастной группе, которые транслируются в социуме, в средствах массовой информации. Вот почему духовно-нравственное воспитание, создание верных моральных ориентиров так важно именно в стенах образовательных учреждений. При этом школе, колледжу и вузу приходится в этом вопросе конкурировать с неформальными объединениями. Но у образовательных учреждений есть преимущество – возможность системной, организованной работы, многообразие форм воздействия и методов воспитания.

Формирование духовно-нравственного и ценностного аспекта у студентов университета является неотъемлемой частью их образования, это помогает им стать не только компетентными профессионалами, но и ответственными гражданами, обладающими четкими этическими принципами. «Важность духовно-нравственного воспитания заключается также и в том, что оно способствует развитию личности как целостной системы. Это позволяет учащимся осознать свои потребности и возможности, а также научиться принимать ответственность за свои поступки», – отмечают Ф.М. Сулейманова, Е.А. Григорьева [10, с. 308–311].

Зачастую в литературе духовность рассматривается как включенность в парадигму культурного наследия. Другая точка зрения связана с определением духовности как категории религиозного мышления. Но духовность – это не только интерес к религии, истории и культуре родной страны, но и проявление таких ключевых человеческих качеств, как доброта, понимание, любовь к ближнему, умение брать на себя ответственность, отказ от эгоизма, стремление к коллективизму. В отечественной научной мысли принято считать, что духовность – это совесть, свобода нравственного выбора и ответственность перед самим собой за этот выбор [4, с. 267].

Ряд ответственных исследователей полагает, что «суть нравственного воспитания заключается в воспитании ума, воли и чувств» [7, с. 25–29]. Это означает, что духовно-нравственное воспитание невозможно без критичности ума, культуры мышления и чувств. Это позволяет самостоятельно определяться с выбором, приобщаться к картине мира, искать путь к истине. В итоге человек развивается гармонично, проявляет себя в обществе активно, осуществляя свою деятельность согласно высоким гуманистическим идеалам.

Ряд исследователей, к примеру М.П. Манаенкова и И.К. Манаенков, связывает духовность с вопросами этики. По их мнению, «духовность является формирующим началом нравственности, которое определяет и мысли, и чувства, и поступки человека, которое и сохраняет человеческое в человеке, позволяет человеку поступать по совести, по справедливости» [5, с. 1–6].

Важнейшим вопросом практики духовно-нравственного воспитания является выбор методов, направленных на создание благоприятной образовательной среды, способствующей укреплению моральных ценностей обучающихся. Важно создать атмосферу толерантности, взаимоуважения и уважительного отношения к различиям. Университет должен быть местом, где каждый студент может чувствовать себя безопасно и быть уверенным в том, что его примут вне зависимости от убеждений, вероисповедания или культурного багажа. Роль воспитательной среды в формировании личности огромна, отмечает Т.В. Гильмидинова. Автор подчеркивает, что благоприятная духовно-нравственная среда инициирует самостоятельность и инициативность в освоении и принятии духовно-нравственных норм, содействует воспитанию социально зрелой, ответственной личности [2].

Ряд отечественных исследователей, например П.Н. Трошина, полагает, что влияние, производимое духовно-нравственной средой, приводит к принятию нравственных идеалов и принципов, убеждению в их важности, а также к формированию в личности собственной системы нравственных убеждений [12, с. 884–887]. Из этого следует, что духовно-нравственную среду следует рассматривать как условие интронизации ценности. В целом мы можем утверждать, что духовно-нравственная среда является органичной частью воспитательной среды, существующей в рамках образовательного учреждения. Она включает в себя материальные и пространственно-предметные факторы, социальные компоненты и систему межличностных отношений [6, с. 290–291].

Помимо этого, воспитание также основывается на практическом применении научных результатов в различных сферах деятельности студентов. Важно создать условия для применения полученных знаний и навыков в реальной жизни, чтобы студенты могли понимать, как их образование может быть полезным и ценным в практике.

Методы воспитания также включают в себя проведение тренингов, семинаров и лекций, нацеленных на развитие лидерских качеств, этических норм и нравственных ценностей. При этом студенты должны развивать не только свои

профессиональные навыки, но и умение применять их с учетом этических и моральных принципов.

Кроме того, воспитание в современном образовательном пространстве подразумевает активное участие студентов в общественно полезной деятельности. Нередко университеты предлагают студентам возможность волонтерства или участия в различных проектах, содействующих развитию общества или помощи нуждающимся. Это помогает студентам осознать свою ответственность перед обществом и формирует у них культуру этой ответственности.

Для обеспечения эффективной практики духовно-нравственного воспитания необходимо правильное построение задач. Ссылаясь на опыт отечественных исследователей, можно выделить следующие задачи духовно-нравственного воспитания, применимые в практике высшей школы:

- формирование знаний в области философии и культуры;
- формирование высоких ценностных ориентиров на основе общечеловеческих гуманистических принципов;
- способность к анализу текущих социальных явлений и умение формировать собственную позицию;
- развитие толерантности, умения вести конструктивный диалог;
- воспитание ответственного отношения к своей жизни и окружающему миру [10, с. 308–311].

Действительно, именно системные знания в области гуманитарных наук, в том числе в области философии, этики и истории культуры, помогают молодежи лучше осознать себя, смысл своей жизни в мире, изучить идеи гениальных мыслителей, которые раздумывали над загадкой человеческой жизни. Также важно знакомство с шедеврами мировой культуры, в том числе в области живописи, скульптуры, архитектуры. Эстетическая составляющая, достигаемая с помощью искусства и формирующая идею красоты, морального совершенства, стремления к прекрасному во всем, является важной составляющей духовно-нравственного воспитания.

Изучение данных гуманитарных дисциплин целесообразно проводить в ходе мероприятий, на которых право высказаться и рассказать о своем впечатлении, поделиться мыслями имеет каждый учащийся. Например, это может быть конференция, круглый стол. В рамках таких мероприятий молодежь учится не только формулировать и высказывать собственные мысли, но и слушать других, принимать точку зрения другого человека, а также общаться, задавать вопросы и отвечать на них в уважительной форме. Кроме того, большое значение имеет командная работа, в рамках которой учащиеся могут научиться не только корректному общению в совместной деятельности, но и проявлению лидерских качеств в интересах группы с акцентом на отказе от эгоистических проявлений.

Для духовно-нравственного воспитания актуальны такие формы, как занятия в музеях, картинных галереях, культурно-исторических центрах, посещение памятников архитектуры. Здесь возможно выполнение творческих заданий. Мероприятия, направленные на духовно-нравственное воспитание, можно, по мысли Г.С. Хаковой, разделить на пассивные и активные [15, с. 93–96]. К числу пассивных можно отнести принятые в пространстве вуза или колледжа традиции, нормы, правила. К числу активных относятся такие мероприятия, которые предполагают непосредственное включение учащихся в процесс, например: встречи, праздники, игры, конкурсы, соревнования, тематические вечера.

При этом следует отметить, что духовно-нравственное воспитание – это задача не только ответственная для каждого педагога, но и вызывающая максимальное количество трудностей. Невозможно заставить человека быть нравственным против его воли. При этом воспитание моральных качеств – процесс постоянный, сложный, многогранный и в какой-то степени индивидуализированный, поскольку речь идет о содержательном наполнении внутреннего мира человека. В данном процессе человек как субъект играет первичную роль, поскольку в его воле интериоризировать или нет все то, что на него направлено со стороны внешнего мира.

На уровне системы образования духовно-нравственное воспитание выступает внешним фактором по отношению к субъекту. Для образовательных учре-

ждений в России всегда не просто выполнять мировоззренческую функцию, поскольку сложно выходить за горизонты устоявшихся традиционных концептов. Сегодня крайне важно сформировать у подрастающего поколения такие нравственные качества, как доброта, коллективизм, трудолюбие, патриотизм, бескорыстие, умение сопереживать ближнему и помогать ему в случае необходимости, но с учетом того, что средства, технологии, формы и смыслы далеко выходят за пределы традиционного формата.

Заключение

В связи со сложностью духовно-нравственного воспитания возникают дополнительные вопросы по повышению требований к профессиональному и нравственному уровню педагогического состава образовательных учреждений [11, с. 128–130]. Педагог должен быть не только профессионалом в своей области знаний, но и человеком чутким, ответственным, внимательным к проблемам обучающихся. Это дает молодежи моральный ориентир: они видят, с кого им можно брать пример, на кого опереться в своем внутреннем мире. Человеческие качества педагога становятся основой для доверия со стороны учащихся, вызывают уважение. Именно такой педагог может стать авторитетным лицом для молодежи и оказать существенное влияние на становление духовно-нравственного стержня личности в процессе обучения [9, с. 14–18].

Духовно-нравственное воспитание в образовательном пространстве современного университета – это комплекс мер, направленных на формирование у студентов духовно-нравственного и ценностного аспекта и включающий пассивные и активные мероприятия. Данный комплекс мер прежде всего ориентирован на создание благоприятной образовательной среды, использование практического применения знаний, проведение специальных мероприятий и активное участие в общественно полезной деятельности. Все это способствует развитию студентов не только как профессионалов, но и как личностей с высоким уровнем самосознания, способных вносить вклад в общество.

Таким образом, одна из ключевых задач системы образования в России сегодня – это воспитание личности с активной жизненной позицией, богатым внутренним миром, развитой духовно и нравственно не только на уровне обучающегося, но и на уровне специалиста, осуществляющего данный процесс. Духовно-нравственное развитие граждан России является одной из приоритетных задач современной образовательной системы и представляет собой законодательно закреплённый социальный заказ для системы образования.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / сост. В.В. Сапов. – М. : Астрель, 2007.
2. Гильмидинова Т.В. Анализ понятия «духовно-нравственная среда образовательной организации» в российской дидактике // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-duhovno-nravstvennaya-sreda-obrazovatelnoy-organizatsii-v-rossiyskoj-didaktike> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина / Урал. ин-т бизнеса. – Екатеринбург, 2007.
4. Лихачев Б.Т. Философия воспитания : учебное пособие. – М., 1995.
5. Манаенкова М.П., Манаенков И.К. Духовно-нравственное воспитание личности в образовательном пространстве вуза // Наука и образование. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 1–6.
6. Моргун О.П. Современная образовательная среда как фактор духовно-нравственного воспитания личности // Молодой ученый. – 2010. – № 3(14). – С. 290–291.
7. Ольшанникова Н.А. Возрождение духовно-нравственного воспитания в университетах России // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 95, № 6. – С. 25–29.
8. Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа. – М., 2005.

9. Скрынников Н.П. Роль преподавателя в формировании духовно-нравственных ценностей студентов вуза // Проблемы педагогики. – 2019. – № 1(40). – С. 14–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prepodavatelya-v-formirovanii-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-studentov-vuza> (дата обращения: 20.03.2024).
10. Сулейманова Ф.М., Григорьева Е.А. Роль и место духовно-нравственного воспитания в современном образовательном процессе // Вестник науки. – 2023. – № 5(62). – С. 308–311 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-duhovno-nravstvennogo-vozpitanija-v-sovremennom-obrazovatelnom-protssesse> (дата обращения: 20.03.2024).
11. Сухиташвили Л.С. Духовно-нравственные качества педагога как фактор успешности процесса воспитания личности // Kant. – 2012. – № 3(6).
12. Трошин П.Л. Нравственное воспитание: понятие, сущность, задачи // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 884–887.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 10.04.2024).
14. Хабермас Ю.В. В поисках национальной идентичности. – Донецк, 1999.
15. Хакова Г.С. Духовно-нравственное воспитание как элемент образовательного процесса // Инновационная наука. – 2022. – № 5-1. – С. 93–96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vozpitanie-kak-element-obrazovatel'nogo-protssessa> (дата обращения: 20.03.2024).

УДК 37.035.6

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-93-99

Габриель Наталья Леонидовнакандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и общественных наук*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, e-mail: gabi@pspu.ru***ЗНАНИЕ ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ****Natalya L. Gabriel**

Candidate of Historical Sciences

Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences

*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia**614990, Perm, 44, Pushkin, e-mail: gabi@pspu.ru***KNOWLEDGE OF HISTORY IN THE SYSTEM
OF PATRIOTIC EDUCATION**

Аннотация. Рассматривается одно из ключевых направлений стратегии развития государственной политики – патриотическое воспитание, а также вопросы о необходимости знания и сохранения преемственности русской, советской и российской истории.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, историческая память, фашизм, культура научного мышления, концепция.

Abstract. The article discusses one of the key directions of the strategy for the development of state policy, patriotic education, as well as questions about the need to know and preserve the continuity of Russian, Soviet and Russian history.

Key words: patriotic education, historical memory, fascism, culture of scientific thinking, concept.

В условиях смены парадигмы человеческого существования вновь встал вопрос ценностных ориентаций. В современном мире мы редко задумываемся о смысле и целях человеческой жизни, о задачах человеческой личности, часто

забывая, что понятия «честь», «достоинство», «самопожертвование» есть следствия исторического опыта, а именно духовной культуры. Неслучайно представители так называемой патриотической идеологии считали, что основополагающей идеей русского православия, а следовательно, и всего бытия русской жизни является идея соборности. Исходя из этого, по их мнению, русской цивилизации присуща высокая духовность и коллективистское общинное устройство социальной жизни. К сожалению, в настоящей жизни мы стали пренебрегать нашим духовным опытом, в частности, идеалами христианской культуры, а также другими важными знаниями, которые непосредственно формируют мировоззрение человека и его духовно-нравственные ориентиры.

Сегодня патриотическое воспитание молодежи – одно из важных направлений стратегии развития государственной политики в Российской Федерации.

Актуальность обсуждения и реализации государственной политики в области патриотического воспитания молодежи обусловлена целым рядом причин, одной из которых наряду с организационными, правовыми вопросами явились серьезные изменения в международной обстановке, вызвавшие реваншистские настроения в мире и новые угрозы для российского общества и государства.

Значительным событием в политике нашего государства в сфере всех уровней образования стало объявление в 2022 г. о новом образовательном проекте «Разговоры о важном». По официальным заявлениям, данный предмет направлен на «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и «воспитание патриотизма». Среди тем, опубликованных в методических пособиях Минпросвещения, были «принятие идеи о действенной любви к Родине», активный патриотизм через «готовность защищать свою Родину с оружием в руках» и действия во благо Родины, в том числе и малые, а также тема готовности пожертвовать жизнью во имя Родины и ее счастья» [6].

В числе важных тем сегодня, которые необходимо обсуждать в рамках данного проекта в вузах, тема «"Обыкновенный фашизм": помнить, знать, не допустить». Главная цель – сформировать у студентов, с опорой на теоретический, документальный, художественный и другой материал, объективный взгляд на

идеологию фашизма и его проявления, которым в современном российском обществе не может быть никакого оправдания, а только осуждение и полное отрицание; путем сопоставления и анализа фактов с опорой на научный материал научить студента критически мыслить.

Поскольку эта тема, особенно в контексте событий празднования очередной годовщины Великой Победы, не только имеет государственное, общественное и общенародное значение, но и связана с жизненно важными ценностями каждого из нас, практически каждой семьи в нашей стране. Патриотизм как одна из духовных основ нашего народа является важнейшим источником победы в Великой Отечественной войне. Творцом этой победы было поколение наших отцов и дедов. Практически в каждой семье берегут память о родных людях, которые в те судьбоносные годы отдавали жизни, чтобы защитить нашу Родину и принести победу.

Прошло 79 лет, и в наши дни мы все отчетливее видим, как в ряде стран усиливается целенаправленная работа по искажению фактов в части истории России, прежде всего времен Второй мировой и Великой Отечественной войн. С помощью так называемых информационных войн в угоду определенным политическим кланам псевдоэкспертное сообщество пытается привнести ментальные изменения в русское национальное самосознание, вызов которому был брошен в годы Великой Отечественной войны, обесмыслить наши великие битвы против шведов, немцев, татаро-монголов, французов и др.

В последние годы, особенно в политической жизни Европы, в силу ряда причин происходит усиление националистических тенденций, рост реваншистских настроений, поднимают головы фашиствующие партии, представители которых, побеждая на выборах, занимают все больше мест в органах законодательной и исполнительной власти. За семь с лишним десятилетий, прошедших со времен Второй мировой войны, в условиях комфортной жизни люди стали забывать о зверином облике фашизма, о геноциде против человечества, о невиданных страданиях и жертвах, которых пришлось принести народам земли на алтарь победы над коричневой чумой. Забвение истории – вещь далеко не безобидная,

тем более когда это касается вопросов генезиса фашизма, изучения механизмов его влияния на массы, выяснения взаимосвязей с нацизмом и тоталитаризмом [3].

Отсутствие знания истории, социальной памяти в целом становится причиной возрождения темных, антигуманных сторон прошлого, оправдания циничной политики отдельных государственных деятелей, которые, пытаясь решить свои корыстные цели и сиюминутные задачи, закрывают глаза на реванш фашизма в XXI в. Они не задумываются над тем, к каким катастрофическим последствиям может привести их заигрывание с фашистскими силами, какой контраст обретет прежняя жизнь, кто или что станет высшей человеческой ценностью, к примеру, Европа 60-х гг. XX в. – начала XXI столетия, когда главной ценностью провозглашалась человеческая жизнь, или 30–40-е гг., когда нацистская Германия открыла фабрику смерти – концлагеря, уничтожив сотни тысяч людей в Варшавском гетто, Освенциме, Майданеке, Трешлинке, Бухенвальде, издала один из главных символов фашистского государства – книгу А. Гитлера «Майн кампф», привела Гитлера к власти с помощью олигархов, уничтожила оппозицию, публично сожгла на кострах книги известных писателей, провозгласила превосходство немецкой расы над другими.

В исторической памяти советского народа навсегда останется преступная практика фашистов по геноциду мирного населения на оккупированной территории СССР (генеральный план «Ост») [4].

Анализируя события этого страшного времени, необходимо сделать акцент на мировоззренческой и экзистенциальной стороне этой важной общечеловеческой темы. Вместе с тем нельзя забывать об историческом значении Нюрнбергского процесса, который в настоящее время рассматривается в контексте разворачивающейся геополитической борьбы за лидерство в современном мире, а также принятых политизированных и направленных на дискредитацию роли СССР в победе над фашизмом решений отдельных стран и ЕС [7].

Следует признать, что отсутствие знания истории, ключевых ее событий делает подрастающее поколение мишенью информационных и идеологических

атак, направленных против национальных интересов нашей страны и негативно влияющих на сознание граждан России в целом.

В связи с этим остро встает вопрос о формировании культуры научного мышления. В продолжение рассмотрения вопроса о формировании ценностных ориентиров, в контексте темы реванша фашизма в современном мире, отметим следующее. На протяжении длительного исторического времени человечество выработало и апробировало две абсолютно противоположные государственные концепции будущего – фашизм и социализм (коммунизм), отождествление которых для лиц, владеющих историческим научным знанием, представляется абсолютно антиисторичным и аморальным, прежде всего с точки зрения науки, если мы анализируем концепции.

Вопросы патриотического воспитания сегодня носят системный характер и находятся в центре внимания на разных уровнях власти, прежде всего на государственном. Президент России Владимир Владимирович Путин неоднократно в своих выступлениях, еще до событий 2014 г. на Украине, говорил о фундаментальном значении патриотизма и патриотического воспитания для обеспечения благополучного развития нашего Отечества, о том, что будущее страны может быть построено только на прочном фундаменте патриотизма. Его основа – уважение к истории и традициям России, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту добрососедского сосуществования более сотни народов на территории нашей страны, а также ответственность за свою страну и ее будущее. Без сохранения российской идентичности, что требует культивирования чувства патриотизма, страна не будет существовать, она просто развалится изнутри [1]. В утвержденных в ноябре 2014 г. «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» воспитание патриотично настроенной молодежи названо ключевой задачей молодежной политики [5].

Таким образом, знание истории Российского государства является важным фактором мировоззренческой и деятельностной мотивации в жизни молодого

поколения, в частности, в сфере патриотического воспитания. От системной работы по патриотическому воспитанию прямо зависят жизнеспособность нашего государства и будущее нашей страны. Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» патриотизм указан в числе принципов, составляющих основу для достижения целей государственной национальной политики [2].

Вместе с тем не стоит забывать, что основой ценностных представлений о смысле и целях человеческой жизни, о задачах человеческой личности была духовная культура, а именно христианская, которая вобрала в себя опыт западной и восточной цивилизаций.

Список литературы

1. Встреча В.В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи : стенографический отчет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.verav.ru/common/message.php?table=message&num=596> (дата обращения: 18.05.2024).

2. Документы – Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/85503> (дата обращения: 18.05.2024).

3. Кикнадзе В.Г., Илиевский Н.В. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязи с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2023. – Т. 11, № 1(34). – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-1-34/kiknadze-ilievskiy-chto-takoe-fashizm-natsizm-i-neonatsizm> (дата обращения: 18.05.2024).

4. Направления работы // Сайт проекта по сохранению исторической памяти о военных преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.polkrf.ru/on-map/bez-sroka-davnosti/> (дата обращения: 18.05.2024).

5. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

6. Разговоры о важном // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.05.2024).

7. Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности: Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности. – М. : Мысль, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003349364> (дата обращения: 17.05.2024).

УДК 37:004

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-100-107

Шаяхметова Венера Рюзальевнакандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и общественных наук*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, e-mail: perm_venera@mail.ru***ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ****Venera R. Shayakhmetova**Candidate of Historical Sciences
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Social Sciences Federal*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
614990, Perm, 44, Pushkin, e-mail: perm_venera@mail.ru*

Аннотация. Автор акцентирует внимание на вызовах и возможностях цифровизации образования. Амбициозные задачи создания новой, цифровой, экономики и технологического прорыва в России востребуют технологии обучения «на опережение». Формирование «новой грамотности» у обучающегося невозможно без «новой грамотности» учителя. В статье рассматриваются возможности использования «больших данных» – Big Data для решения отдельных задач современного образования (в первую очередь задачи персонификации обучения).

Ключевые слова: цифровизация образования, новая грамотность, цифровые технологии, стандарты обучения, цифровая трансформация, «большие данные».

Abstract. The author focuses on the challenges and opportunities of digitalization of education. The ambitious tasks of creating a new, digital economy will require proactive learning technologies. The formation of a ‘new literacy’ in a student is impossible without the ‘new literacy’ of the teacher. The article discusses the possibilities of using ‘big data’ – Big Data to solve certain problems of modern education (first of all, the tasks of personalization of learning).

Key words: digitalization of education, new literacy, digital technologies, learning standards, digital transformation, Big Data.

Современный цифровой мир позволяет ученику не быть привязанным к учителю и школе как единственным и безоговорочным источникам получения учебной информации. Цифровые образовательные порталы с бескрайним учебным контентом и коммуникационные технологии дают ученику возможность выбрать не только форму обучения, но и направленность учебной или внеурочной деятельности. У современного мотивированного ученика, заинтересованного в процессе обучения, постепенно оформляется запрос на учителя как наставника и/или тьютора.

Цифровизация выставляет свои требования к системе образования, принципиально отличные от предыдущих. Это, во-первых, требование обеспечить ученика инструментарием для осознанного и ответственного выбора дальнейшей траектории обучения, во-вторых, требование к учителю владеть компетенциями отбора образовательных технологий в соответствии с личными целями и способностями ученика. Учитель в подобных условиях заинтересован в поиске и применении эффективных средств оценивания образовательных результатов обучающегося. Фактически и учитель, и ученик должны быть готовы к постоянному личностному развитию и большей ответственности за свои результаты преподавательской и образовательной деятельности.

Около 23 % обучающихся школ РФ осваивают программы общего образования, находясь на семейном обучении, при этом количество так называемых семейников (home school – хоумскулеров в сленговой речи) увеличивается. Три-четыре года назад «семейники» уходили в «самостоятельное образовательное плавание» из-за психологического дискомфорта в детском коллективе или конфликтов с учителями, психологических личных проблем.

В 2023–2024 учебном году зафиксировано желание хоумскулеров обучаться по авторским методикам многочисленных онлайн-школ. И учащихся, и их родителей привлекает то, что эти школы предлагают ученику личную образовательную траекторию с четко определенными целевыми позициями (например, получение 95 баллов ЕГЭ по русскому языку). При этом обучение максимально отличается от привычной школьной обстановки: вместо классно-

урочной системы – метапредметные погружения и индивидуальные консультации с постоянной фиксацией предметных затруднений конкретного ученика и выстраиванием их системной коррекции.

Массовая школа по множеству причин (отсутствие кадров, материально-технической базы и др.) не всегда способна реагировать на социальный запрос и целевые установки обучающихся. На уровне министра просвещения С.С. Кравцова озвучивается проблема консервативности большинства российских учителей: «...важно, чтобы учителя... не были чем-то застывшим, чтобы они расширяли кругозор, участвовали во всех аспектах жизни школы, много читали, были внимательны к каждому ребенку и показывали детям, как много можно достичь, живя согласно духовным ценностям, следуя моральным принципам» [3].

Определенная часть родителей и учащихся по-прежнему видит в школе возможность не только получения образования, но и социализации и ранней профориентации. Современная российская школа меняется в соответствии с социальным запросом на наличие у выпускников новых компетенций (личностных, метапредметных и предметных), при этом трансформируются формы и содержание образования. В школу «приходят» постоянно обновляющиеся цифровые образовательные ресурсы, VR-симуляции, сетевое взаимодействие с социальными партнерами (учреждениями СПО и ВО, предприятиями, технопарками), дистанционное обучение и т. д.

Современная цифровая школа востребует современного цифрового учителя, обладающего комплексом динамических компетенций. Без наличия цифровых компетенций учитель не сможет взаимодействовать «с другими участниками образовательного процесса: непосредственно со школьниками, с другими учителями, с администрацией и с родителями, а также с третьими лицами, которые так или иначе вовлечены в образовательный процесс» [1]. Исследователи отмечают, что попытки части учителей «перенести свои практики в цифровую среду» без освоения новых подходов к коммуникации потерпели неудачу [1].

Отдельные учителя используют имеющиеся информационно-образовательные порталы, переходя с уровня пользователя на уровень создателя обучающего контента таких федеральных площадок, как ФГИС «Моя школа», СФЕРУМ, МЭО, РЭШ и др. Учитель занимает позицию педагога-дизайнера [2], наполняя цифровыми обучающими продуктами информационное пространство для своих обучающихся (цифровые истории/гайды, игры, анимированные программы, тренажеры, итоговые тесты и т. д.).

По меткому определению авторов исследования «Учим в любых условиях», в настоящее время «есть время... отбросить все, что не сработало в виртуальной среде, взять на вооружение методы, оказавшиеся эффективными в сложившихся условиях» [6].

Учителя научились управлять информацией, пользоваться облачными системами хранения, и часть педагогов активно работает с Big Data – «большими данными». Возможности Big Data в образовании обширны: получение для последующего анализа массивов количественных показателей успеваемости, качества знаний, посещаемости, познавательной активности (участие в образовательных событиях за пределами школы: олимпиадах, соревнованиях, фестивалях, конкурсах; предпочитаемые способы обучения и т. д.) одного ученика и всего ученического коллектива. Систематизация и качественный анализ подобной информации может повысить результативность деятельности учителя и образовательного учреждения в целом.

Исследователи предлагают выделить новую научную дисциплину – вычислительную педагогику – для того, чтобы «фиксировать неочевидные объективные закономерности с последующим использованием в массовом и/или корпоративном обучении» [4]. Фактически появляется возможность реализовать персонализированный интерактивный подход с постоянной фиксацией и коррекцией образовательных результатов каждого обучающегося.

Более того, Big Data способны обобщить опыт большинства учителей и на основе количественного анализа получить эффективную методику. Именно

в этом преимущество «больших данных»! Новые педагогические идеи всегда создаются персональным опытом одного или нескольких учителей, но на основе Big Data методика может стать инструментом массового опыта. Так, в 50-х гг. прошлого века учитель математики и физики В.Ф. Шаталов в школе № 13 г. Донецка начал разрабатывать метод опорных сигналов, и только в 1971 г. благодаря известному педагогу и публицисту С. Соловейчику о «методе Шаталова» узнала педагогическая общественность. После статьи Соловейчика в газете «Комсомольская правда» началось паломничество заинтересованных учителей в школу к Шаталову, «метод Шаталова» постепенно расшатал «крепостную и почти неприступную стену советской дидактики» [5].

В условиях цифровизации скорость предъявления новых педагогических идей и расширения возможностей по их апробации в разы увеличивается, как максимально растут и возможности обобщения накопленного массива информации по результатам внедрения. Интеллектуальные системы позволят накапливать информацию о лучших методиках обучения и контроля знаний. В конечном итоге с помощью Big Data можно создавать унифицированные методики, адаптированные под определенное количество обучающихся, и персонализировать учебный контент с подбором режима индивидуального или коллективного обучения.

Оригинальная система интенсивного обучения В.Ф. Шаталова состоялась без цифровых инструментов, но большинство ее краеугольных идей (вербально-графические формы программного материала, систематическая обратная связь учителя и ученика, релейные задания, обширные «предложения» в качестве вариативных домашних заданий и др.) методом анализа «больших данных» может эффективно использоваться в современной системе образования.

Big Data при персонализации учебного контента под познавательные потребности каждого обучающегося способны выявлять определенные закономерности восприятия и запоминания контента с последующим использованием для повышения эффективности управления образовательным маршрутом ученика и обеспечения качества обучения. Учитель при необходимости объясняет

и получает обратную связь в результате «живого» общения, создает эмоциональный фон и мотивацию обучения. Это позволит оптимизировать процесс обучения, сделать его более интересным для обучающихся с разным уровнем общепредметной подготовки и познавательной мотивации.

Интеллектуальные инструменты в образовании для анализа Big Data могут использовать массив многих данных: о взаимодействии обучающихся с цифровыми образовательными ресурсами (цифровыми учебниками, онлайн-курсами и т. д.), об эффективности учебных материалов (образовательные результаты и т. д.), о прогнозах образовательной траектории ученика (вероятность выполнения задания учеником, корреляция результатов ОГЭ и ЕГЭ и т. д.). По итогам подобного анализа обучение может стать адаптивным и личностно-ориентированным.

На сегодняшний день в системе образования Big Data массово используются в административных целях: фиксация количественных данных образовательного процесса (посещаемость и пропуски по болезни, количество проведенных уроков и внеурочных курсов, количество успевающих/неуспевающих учеников и т. д.). Операционные системы (электронные журналы и дневники) работают с малыми данными, в их контент погружено большое число пользователей (обучающиеся, учителя, родители, административно-управленческий аппарат местных органов исполнительной власти). Пока, к сожалению, эти информационные системы не показывают данные о вовлеченности обучающихся в учебный и внеучебный процессы (частота обращения к учебной цифровой литературе, частота запросов на индивидуальные консультации по отдельным учебным предметам, частота посещений интеллектуальных/спортивных мероприятий и т. д.).

Big Data помогут изменить процедуру мониторинговых процедур и прогнозирование образовательных результатов в сторону индивидуализации. Учитель получит возможность оперировать разными форматами оценивания результатов (самооценивание, индивидуальное/коллективное оценивание, мотивирующее оценивание, накопительное оценивание и др.). Образовательные результаты оцениваются не ради оценки, а для оптимального и эффективного воздействия на ученика. Динамика результатов ученика должна фиксироваться постоянно, на

основе этих данных формируются учебные шаблоны результатов [7], позволяющие учителю расширять образовательную программу обучающегося.

Возможными итогами качественных изменений по пути расширения использования цифровых инструментов в образовании можно считать следующие:

– рост профессиональной компетентности и цифровой грамотности учителей школ (профессиональная компетентность и цифровая грамотность понимаются широко: методическая, предметная, коммуникативная, а также интеллектуальная и инновационная активность);

– изменение существующих процедур мониторинга и педагогических измерений, т. е. установленного стандартного порядка действий в тех или иных повторяющихся ситуациях, например, контроль знаний по учебной дисциплине в виде творческого проекта, проведение занятий в нестандартных формах (воркшоп, вебинар, фокус-группа и т. п.);

– изменение организационной структуры в школьных сообществах учителей: вместо предметных кафедр и методобъединений создаются группы-кластеры по любому объединяющему основанию (например, группа разработчиков цифрового ресурса, группа разработчиков метапредметного погружения как образовательного события в школе);

– изменение стратегии развития школы по персонализации обучения на основе комплексного цифрового анализа массива исходных данных: переориентация на целенаправленную индивидуальную работу с одаренными детьми, детьми с высокой познавательной мотивацией и детьми, требующими особого педагогического подхода.

Список литературы

1. Гаврилова Е. Современный учитель и его цифровые компетенции // Учительская газета. – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ug.ru/sovremennuy-uchitel-i-ego-czifrovye-kompetenczii/> (дата обращения: 15.04.2024).

2. Головчин М.А. Какой учитель нужен «школе будущего»? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 12. – Т. 12. – С. 229–242.

3. Кравцов С. Нашей школе есть чем гордиться // Профиль: еженедельный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profile.ru/obrazovanie/sergej-kravcov-nashej-shkole-est-chem-gorditsya-374014/> (дата обращения: 15.07.2023).

4. Патракин Е.Д. Вычислительная педагогика: мышление, участие и рефлексия // Образовательные технологии и общество. – 2018. – № 4. – Т. 21. – С. 502.

5. Педагогический метод Шаталова: в чем его уникальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mediabrest.by/news/obrazovanie/pedagogicheskiy-metod-shatalova-v-chem-ego-unikalnost> (дата обращения: 17.05.2024).

6. Фишер Д., Фрей Н., Хэтти Дж. Учим в любых условиях. Онлайн-образование на каждый день. – М. : Альпина Паблицер, 2021. – 250 с.

7. Ямбург Е.А. Педагогика нон-фикшн // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4(12). – С. 11–19.

УДК 316.334.56

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-108-117

Шишигин Андрей Владиславовичкандидат социологических наук, доцент кафедры
философии и общественных наук*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: shish02@yandex.ru***КРЕПКАЯ СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ
ЦЕННОСТЬ И НЕДОСТИЖИМЫЙ ИДЕАЛ****Andrey V. Shishigin**Candidate of the Socio-scientific Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia**614990, 24, Sibirskaya, Perm, e-mail: shish02@yandex.ru***STRONG FAMILY AS A TRADITIONAL
VALUE AND UNATTAINABLE IDEAL**

Аннотация. Рассматривается ценность семьи в сознании россиян. Делается вывод, что семья действительно может рассматриваться как традиционная ценность. Вместе с тем крепкая семья для большинства российских граждан является скорее недостижимым идеалом, чем реальностью. Высокий уровень разводов, наблюдаемый уже в третьем поколении, указывает на то, что потенциально хрупкий брак превращается в традиционную модель семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, брак, разводы, семейная политика.

Abstract. The article considers the value of family in the consciousness of Russians. It is concluded that the family can indeed be regarded as a traditional value. At the same time, a strong family is more of an unattainable ideal than a reality for the majority of Russian citizens. The high divorce rate observed in the third generation indicates that a potentially fragile marriage is turning into a traditional model of family and marital relations.

Key words: family, traditional values, marriage, divorce, family policy.

В последние годы в нашей стране много внимания уделяется защите традиционных ценностей, обеспечивающих ценностное единство разных поколений. Во многом это объясняется тем, что противостояние России и Запада все отчетливее принимает характер столкновения цивилизаций. Российское законодательство под традиционными ценностями понимает «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшее свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [11, п. 4]. В Указе Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 в перечне основных традиционных ценностей фигурирует и «крепкая семья» [11, п. 5]. Указ Президента, равно как и любой другой нормативно-правовой акт, не устанавливает *традиционные* ценности, но может лишь отражать факт их существования при условии, что эти ценности действительно существуют.

Исследования ВЦИОМ показывают, что ключевое место в нашей ценностной системе координат занимает семья [6]. В списке самых важных ценностей она лидирует вне зависимости от пола, возраста, образования, места проживания и материального положения респондентов. В 2023 и 2024 гг. 68 и 67 % россиян отмечали семью как важнейшую ценность [6]. Создание семьи как одну из важнейших целей в жизни человека отметили 87 % респондентов. Почти столько же (85 %) согласились с утверждением, что семья нужна была человеку в прошлом, нужна в настоящем и будет нужна в будущем [6]. Абсолютное большинство (76 %) россиян считает необходимым сохранять и передавать семейные традиции [6]. Таким образом, исследования наиболее авторитетной социологической

службы в России подтверждают огромное значение семьи в жизни россиян и позволяют рассматривать семью как традиционную ценность. Но является ли такой *крепкая* семья?

К сожалению, крепкая семья в современной России – это, скорее, желаемое, чем действительное явление. Об этом прямо свидетельствуют как очень высокий уровень разводов, так и значительная (хотя и существенно меньшая, чем во многих странах ЕС) доля детей, рожденных вне брака. В нашей стране распадается примерно 2/3 браков (на 1000 браков в 2022 г. приходилось 650 разводов) [12]. Доля внебрачных рождений в последние годы варьируется в интервале 21–22 % [12]. К этому можно добавить, что в современной России каждая четвертая семья с детьми до 18 лет является неполной [7, с. 49]. Следует учитывать и тот факт, что развод является лишь завершающей стадией семейных конфликтов. Семьи, прошедшие через развод, не могут рассматриваться как крепкие. Но таковыми не являются и многие семьи, которые в силу разных причин не дошли до этой стадии. Семья может сохранять свое ядро, супружеская пара может воздерживаться от развода, но характер внутрисемейных отношений может быть крайне конфликтным или демонстративно отчужденным. Вряд ли такие семьи, сохраняющие лишь формальное единство, справедливо будет рассматривать как крепкие. В качестве сдерживающих факторов, препятствующих разводу, чаще всего выступают дети и жилье. Так, по данным ВЦИОМ [4], в 2021 г. первые три места в списке препятствий для развода занимали следующие: 1) невозможность «поделить» детей между родителями (31 %); 2) материальная зависимость одного супруга от другого (21 %); 3) сложности с разделом жилья (16 %). С учетом вышесказанного доля крепких семей в России едва ли превышает четверть их общего числа. Исследования российских демографов и социологов указывают на то, что потенциально хрупкий брак является реальностью уже для третьего поколения россиян.

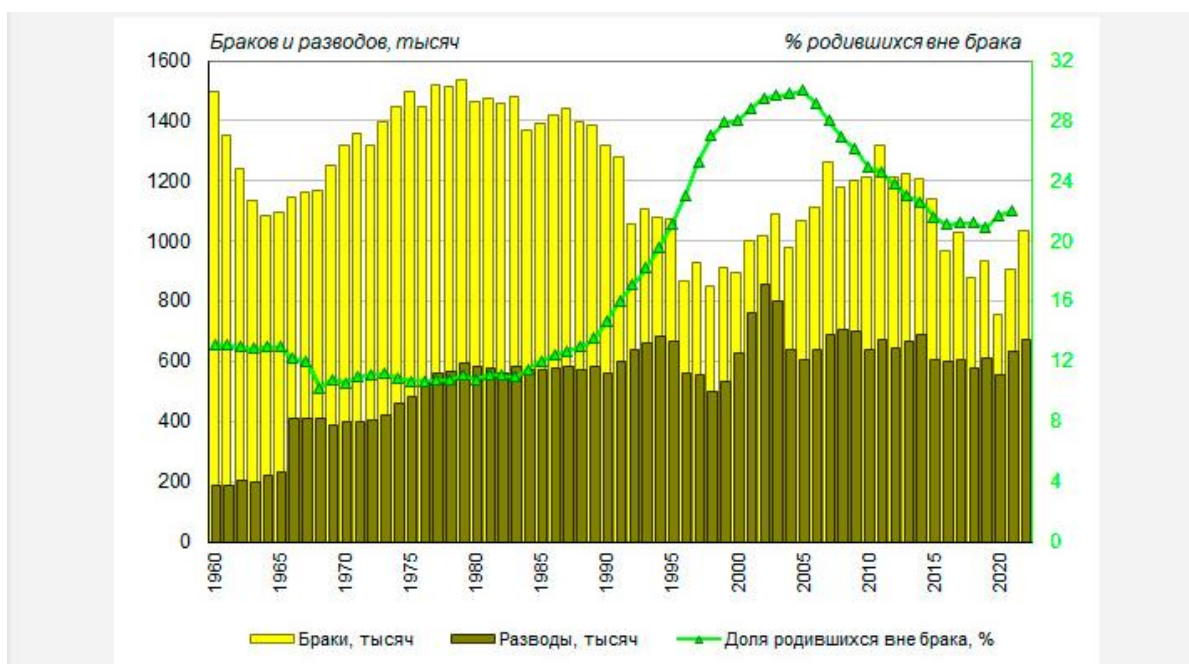

Рис. 1. Число браков и разводов, зарегистрированных в России (тысяч) и доля родившихся вне брака (%), 1960–2022 годы (2022 год – по данным месячного оперативного учета, остальные годы – по данным годовой разработки без учета Крыма) [12]

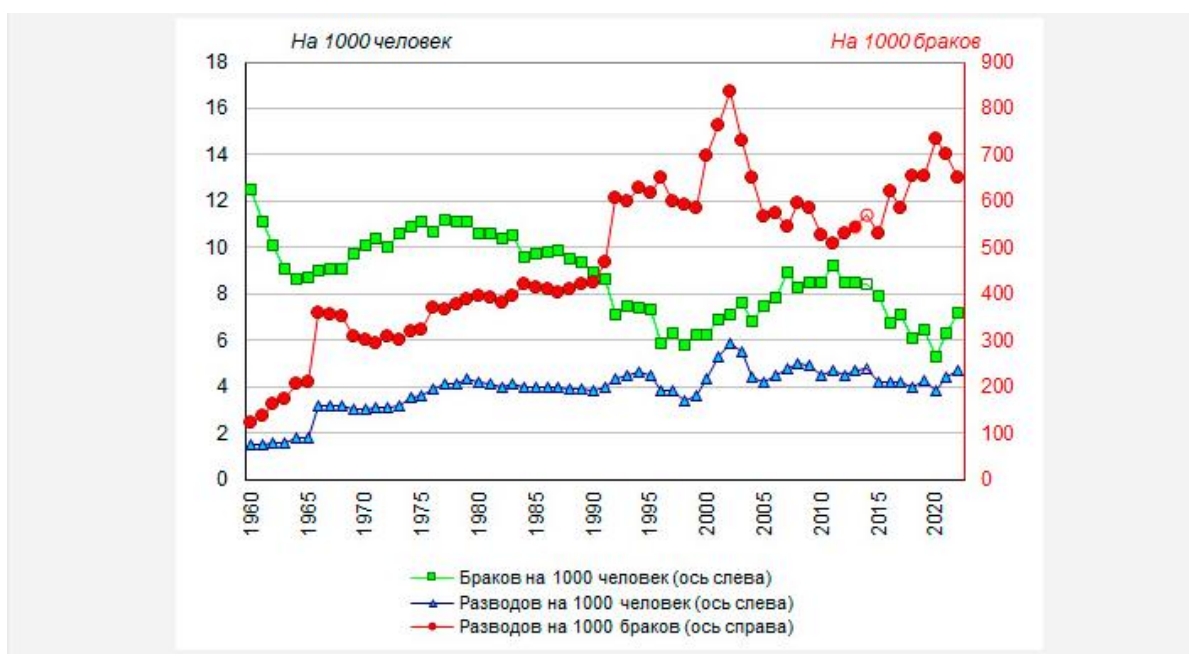

Рис. 2. Число браков и разводов, зарегистрированных в России, на 1000 человек постоянного населения, и соотношение разводов и браков, 1960–2022 годы (2022 год – по данным месячного оперативного учета, остальные годы – по данным годовой разработки без учета Крыма) [12]

На рис. 1, 2 видно, что уровень разводов (количество разводов на 1000 человек) был довольно высоким уже во второй половине 1960-х гг. Спустя десятилетие показатель разводимости практически стабилизировался, испытав лишь

кратковременный резкий подъем в начале 2000-х гг. Социолог Г.В. Антонов, используя несколько иную методику (коэффициент разводимости), приходит к точно такому же выводу [1, с. 45]. Причинами увеличения числа разводов в конце 1960-х гг. послужили либерализация советского законодательства, существенно облегчившая процедуру развода (отказ от обязательного рассмотрения бракоразводного процесса в суде, от газетных публикаций о предстоящих бракоразводных процессах), и принятие в 1969 г. нового Кодекса законов о браке и семье. Как и в первые годы советской власти, был разрешен внесудебный развод в ЗАГСе при взаимном согласии супругов, но лишь для пар без общих детей до 18 лет [8, с. 89]. Принятие Семейного кодекса в 1995 г. мало что изменило в возможности расторжения брака. Таким образом, высокий уровень разводимости прямо указывает на то, что не крепкая семья, а потенциально хрупкий брак превратился в традицию, которая воспроизводится уже в третьем поколении. Высокий уровень разводов не означает, что крепкая семья в сознании россиян перестает быть ценностью. Она, безусловно, ею остается. Вместе с тем очевидно, что для большинства россиян крепкая семья превращается в недостижимый идеал. Уже в третьем поколении россиян развод со всеми его драматическими последствиями (как до, так и после завершения данной процедуры) является широко распространенным явлением, не вызывающим особого осуждения. Весьма показателен тот факт, что осуждение со стороны близких родственников и друзей оказывается одним из наименее значимых факторов, препятствующих разводу. Если в 1990 г. 5 % респондентов указывали на данный фактор, то в 2021 г. таковых было лишь немногим больше – 8 % [4]. Данные мониторинга ВЦИОМ показывают, что на протяжении последних 30 лет (с 1990 по 2021 г.) доля убежденных противников разводов оставалась относительно стабильной и варьировалась в интервале 9–13 % [4]. Вместе с тем за постсоветский период заметно выросла доля тех, кто не видит никаких препятствий для развода. Если в 1990 г. таковых было 29 %, то в 2021 г. уже 39 % [4]. Таким образом, решение острых семейных конфликтов через развод стало традиционным механизмом их разрешения. Естественным образом данная модель поведения усваивается и воспроизводится подрастающим поколением.

В середине прошлого века ситуация была иной. Уровень разводов в период 1944–1965 гг. был в 5–6 раз ниже современных показателей. Но что же лежало в основе прочности семейно-брачных отношений в тот период? По большей части, карательная политика советского государства. Обозначение политики советского государства в сфере семейно-брачных отношений как «карательной» в данный период подразумевает не указание на ее жестокость, а лишь констатацию факта, что в 1944–1965 гг. при бракоразводном процессе сохранение или расторжение брака полностью зависело от решения судьи. В 1944 г. в семейной политике СССР произошли серьезные перемены. Ключевую роль сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Отныне только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов по закону. Граждане, состоящие в незарегистрированных брачных отношениях, должны были оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни. Отменялось право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. Было установлено, что наследовать после умершего супруга может лишь лицо, состоявшее с ним в зарегистрированном браке. Кроме того, для предотвращения неразберихи в фактических брачных отношениях (а более всего – фактического многоженства) с этого момента в паспорт вводилась особая графа «семейное положение», где указывались фамилия, имя и отчество супруга, его год рождения, время и место регистрации брака [10, с. 170]. Указ от 08.07.1944 существенно усложнял процедуру развода и делал ее весьма дорогостоящей. Теперь развод был возможен только через суд. Объявление о возбуждении судебного производства должно было публиковаться в местной газете. Судебный процесс проходил два этапа. Если народному суду не удавалось примирить супругов, то дело рассматривалось судом высшей инстанции,

который и выносил окончательное решение [10, с. 172]. Но главным было не удорожание процедуры развода и даже не ее усложнение, а то, что, как уже было сказано, вопрос о продолжении или прекращении брака полностью зависел от решения судьи. Брак расторгался лишь в случае признания судом необходимости его прекращения. В первые годы после издания Указа суды часто отказывали в расторжении брака, учитывая при решении вопроса прежде всего не волеизъявление супругов, а конкретные обстоятельства их семейной жизни [3, с. 59]. Неудивительно, что уже через год после издания Указа число разводов сократилось почти в 10 раз [10, с. 173]. Однако, по справедливому замечанию Н.С. Нижника и О.К. Биктасова, «отказ в расторжении брака в большинстве случаев приводил лишь к формальному сохранению семьи» [3, с. 59]. Исследователи семейно-брачных отношений выражают обоснованные сомнения в эффективности данных мер с точки зрения решения проблем стабилизации семьи, подчеркивая, что «проблему укрепления брака не удалось решить посредством императивных норм права» [3, с. 59]. Относительно низкая доля внебрачных рождений в тот период также была обусловлена в значительной мере государственной семейной политикой, которая, по сути, дискриминировала внебрачных детей. Так, на внебрачных детей не взыскивались алименты, в свидетельстве о рождении ребенка у незамужней женщины в графе «отец» ставился прочерк, который считался в обществе позорным [9, с. 25–26]. Можно сказать, что формальная прочность семьи в середине прошлого века в значительной степени была обусловлена грубым вмешательством государства в сферу семейно-брачных отношений, законодательно крайне затруднявшим развод или делающим его практически невозможным. Разумеется, немаловажную роль играли и такие факторы, как коллективистское воспитание (на первом этапе бракоразводного процесса влияние комсомольских, партийных и профсоюзных организаций на решение разводящихся супругов могло быть весьма существенным) и менее развитый индивидуализм советских граждан, воспитывавшихся в сталинскую эпоху. У поколения, детство которого пришлось на годы послевоенного восстановления, был гораздо ниже порог чувствительности к не очень комфортным жилищным условиям и прочим

бытовым неудобствам. Кроме того, многодетные семьи (по современным критериям) были не исключением, а нормой.

В современной России все эти факторы, объективно способствовавшие укреплению семьи, отсутствуют. В 1990-е гг. и в первое десятилетие XXI в. в нашей стране находящимися у власти либералами вполне сознательно проводилась политика, направленная на разрушение коллективистского воспитания, пропагандировался безудержный индивидуализм и сопутствующие ему явления в виде эгоизма и нарциссизма. По традиционным ценностям, в том числе и по семье, был нанесен серьезный удар со стороны либеральных медиа. Современная политика Российского государства, направленная на поддержание и сохранение традиционных ценностей, включая крепкую семью, безусловно, заслуживает одобрения и поддержки. Принимаемые государством меры, хотя и несколько запоздалые, объективно направлены на укрепление семьи и семейных ценностей в их традиционном понимании. Вместе с тем остается совершенно неясным, за счет чего в современных реалиях возможно укрепление эгалитарной семьи. Теоретически такой опорой могла бы стать религия, как это было в дореволюционной России, где признавался только церковный брак, а православная церковь выставляла жесткие ограничения для оснований требовать развода [2, с. 174]. Однако в светском государстве, где официально признается лишь гражданский брак, это невозможно. Кроме того, как показывают исследования ВЦИОМ, среди молодежи (18–34 года) доля тех, кто отмечает роль религии в своей жизни как «важную» и «довольно важную», не превышает 32 % [5]. Ужесточение и осложнение процедуры развода, очевидно, не изменит ситуацию и не сделает семью более крепкой. Вероятно, в этом случае увеличится лишь доля фактических незарегистрируемых браков и сожительства. Возврат же к советским правовым реалиям (в сфере семейно-брачных отношений) середины прошлого века видится невозможным по целому ряду причин. Эгалитарная семья по сравнению с патриархальной является потенциально более хрупкой. Но патриархальная семья давно ушла в прошлое, а динамика социальных изменений в современном обществе явно не способствует возрождению патриархальных начал. Ушел в прошлое и

традиционный брак по воле родителей, на смену которому пришел брак по любви. Последний уже давно превратился в социальную норму, но этот брак, опять же, потенциально более хрупкий, зависящий во многом от продолжительности чувств.

Подводя итог, можно сказать, что в современной России семья действительно является традиционной ценностью, но крепкая семья встречается недостаточно часто, чтобы для большинства молодежи стать реальным примером выстраивания собственных семейных отношений.

Список литературы

1. Антонов Г.В. Основные тенденции брачности и разводимости в России за последние 50–60 лет // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11, № 4(289). – С. 43–53.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – Т. 1. – 3-е изд., испр., доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.
3. Нижник Н.С., Биктасов О.К. Законодательные основания государственной политики в сфере семейно-брачных отношений в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2(26). – С. 56–61.
4. От брака до развода: 1990–2021 // ВЦИОМ. 11.08.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 27.07.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Семья как ценность // ВЦИОМ. 24.01.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ : учебное пособие. – М. : Перо, 2022.

8. Синельников А.Б., Дорохина О.В. К чему приводит неограниченное право на развод? // Вестник Московского университета. – 2015. – Сер. 18. Социология и политология. – № 3. – С. 79–94.

9. Синельников А.Б., Дорохина О.В. Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных социальных норм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2015. – Вып. 3. – С. 21–28.

10. Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, № 1. – С. 169–176. – Электрон. копия доступна в науч. электрон. б-ке Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-brachno-semeynyh-otnosheniy-v-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 23.04.2024).

11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 24.06.2024).

12. Щербакова Е. Предварительные демографические итоги 2022 года в России (часть I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom05.php> (дата обращения: 11.03.2024).

III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 930.2

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-118-127

Новоселов Павел Александрович
аспирант

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: nov.com@mail.ru*

МЕТОД ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСА О РОЛИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПЕРИОДЫ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ 1917 И 1991 ГГ.

Pavel A. Novoselov
Postgraduate Student

*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
614990, Perm, 24, Sibirskaya, e-mail: nov.com@mail.ru*

THE METHOD OF HISTORICAL ANALOGIES IN THE STUDY OF THE ROLE OF STATE SECURITY AGENCIES IN RUSSIA DURING THE SYSTEMIC CRISES OF 1917 AND 1991

Аннотация. Рассматривается метод исторических аналогий как метод познания общественных явлений; выделяются основные аспекты практической значимости метода исторических аналогий при исследовании прошлого, оценке настоящего и прогнозировании будущего; прослеживается связь метода исторических аналогий с историческим знанием и историческим сознанием; рассматривается идея применения метода исторических аналогий в научной исторической мысли советского и постсоветского периодов; определяется основной вектор развития этой идеи при исследовании вопроса о роли органов государственной безопасности России в периоды системных кризисов XX в.

Ключевые слова: историческая аналогия, метод, процесс, историческая ситуация, государственная безопасность, системный кризис.

Abstract. The method of historical analogies is considered as a method of cognition of social phenomena; the main aspects of the practical significance of the method of historical analogies in the study of the past, assessment of the present and forecasting the future are highlighted; the connection of the method of historical analogies with

historical knowledge and historical consciousness is traced; the idea of applying the method of historical analogies in scientific historical thought of the Soviet and post-Soviet periods is considered; the main vector of development is determined. This idea is used in the study of the role of Russian state security agencies in periods of systemic crises of the XX century.

Key words: historical analogy, method, process, historical situation, state security, systemic crisis.

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.

В.Г. Белинский [2, с. 18]

Русский литературный деятель и мыслитель В.Г. Белинский видел в историко-сравнительном подходе к анализу общественных явлений способ объяснить события текущего времени и предугадать грядущее, что отражает саму суть метода исторических аналогий в историческом исследовании.

Исторические события, происходившие в прошлом, несомненно, имеют влияние на весь последующий ход исторического развития, а человеческое общество, как особый социобиологический механизм, постоянно получая новый опыт, пытается усвоить его и интегрировать в процессе своей эволюции. Как писал В.Г. Белинский, «нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: “Стой, довольно, больше идти некуда!”» [1, с. 284].

Однако зачастую исторические процессы и ситуации имеют свойство повторяться, и в схожести предпосылок и последствий тех или иных исторических процессов и ситуаций кроется возможность для исследователя, обладающего стремлением к анализу и прогнозированию, использовать метод исторических аналогий для более глубокого осмысления как уже прошедших событий или явлений, так и современных исследователю тенденций общественного развития.

Во многом это является актуальным при исследовании вопроса о роли отечественных органов государственной безопасности на переломных исторических этапах. Как показала нам история XX в., ни в 1917, ни в 1991 г., когда вектор политического развития нашей страны в одночасье менялся кардинальным образом, эти органы не справились со своей основной задачей. И, возможно, именно

в сравнении не только самих системных кризисов, но и в глубоком анализе работы государственного механизма по самозащите от подобных потрясений в различные исторические периоды кроется потенциал понимания причин такой исторической повторяемости.

Метод исторических аналогий представляет собой по своей сути сравнительный анализ тождественных по типологическим характеристикам различных исторических процессов и ситуаций, политических, экономических или общественных институтов с целью выявления общих предпосылок, закономерностей, взаимосвязей, тенденций и формирования новых точек восприятия исследуемых исторических объектов. При получении достаточного объема аналитических данных исследователь получает возможность формировать прогностические модели наиболее вероятных линий развития текущего исторического процесса, что во многом делает метод исторических аналогий незаменимым в сфере не только исторических, но и социологических, политических и даже психологических наук.

Таким образом, универсальность метода исторических аналогий состоит в том, что его функция «объяснять необъяснимое» через исторические примеры и прецеденты не только позволяет выстраивать эффективные коммуникативно-познавательные взаимосвязи между субъектами научного и учебного процессов, но и создавать наиболее вероятные сценарии общественных взаимоотношений, взаимодействий и реакций при определенных условиях – от социально-экономических изменений на уровне социальных групп до политических решений общенационального характера. В последнем случае, несмотря на то что этот метод становится весьма популярным при продвижении той или иной политической повестки, многое будет зависеть от исторической объективности информационного источника и уровня исторического знания или сознания адресата информации.

Поэтому, в свою очередь, метод исторических аналогий неразрывно связан с понятиями исторического знания и исторического сознания общества. И если в первом случае речь идет о практической значимости метода исторических ана-

логий как средства усвоения нового исторического знания на примере уже свершившихся известных событий, то взаимосвязь с общественным историческим сознанием куда более глубокая.

Историческое сознание, в отличие от исторического знания, присуще обществу в целом как память о своих корнях и своем прошлом. В различные периоды нашей истории, в особенности в течение XX в., наше историческое сознание подвергалось самым серьезным испытаниям. Так, революционные события 1917 г. на многие десятилетия сменили вектор отношения общества к своему прошлому и своей истории, ограничив его рамками идеологических догматов и классового антагонизма. После 1991–1993 гг. в результате распада единого союзного государства и развала советской научно-педагогической системы историческое сознание российского общества вновь потеряло связь с прошлым, откестившись от всех господствовавших в предыдущий исторический период идеологических и даже нравственных воззрений, заменив их на веру в утопическое свободное светлое будущее под покровительством «цивилизованного» западного мира.

Формирование исторического сознания общества, претерпевшего за последние более чем 100 лет несколько трансформаций, сегодня является крайне актуальным, поскольку в условиях идеологического кризиса, плюрализма интерпретаций исторической действительности именно совокупность представлений общества о своем прошлом является важнейшим инструментом общественной самоидентификации и создает социальную опору в борьбе за историческую правду. Поэтому сегодня историческое сознание общества рассматривается в качестве «наиболее действенной альтернативы нежелательному типу общественного сознания, которое условно можно обозначить как утопическое» [6, с. 21].

Позволяя сохранять связь времен через историческое сравнение прошлого с прошлым и прошлого с настоящим, через выявление общих истоков, тенденций и взаимосвязей исторических событий и явлений, метод исторических аналогий

дает возможность познать неразрывность и цикличность исторического процесса, ощутить важность исторического знания как такового вне зависимости от политического строя и идеологических установок.

Таким образом, можно говорить о том, что метод исторических аналогий имеет практическую значимость в следующих аспектах:

1) как метод более глубокого анализа уже завершившихся событий или явлений на базе сравнения двух или нескольких схожих исторических процессов или ситуаций, социально-политических или экономических институтов;

2) как метод более объективной оценки текущих событий через призму сравнения их с событиями прошедших эпох, выявления общих закономерностей и причинно-следственных связей и, как следствие, получения информационно-аналитического базиса для прогнозирования возможных вариантов развития текущего исторического процесса в будущем;

3) как инструмент более оперативного и понятийного восприятия исторического знания;

4) как инструмент формирования и сохранения исторического сознания общества;

5) и наконец, как инструмент выявления и познания исторических закономерностей.

Метод исторических аналогий изучался и применялся как в советской исторической науке, так и в постсоветской историографии.

В 1971 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья пермского историка, доктора исторических наук, профессора Льва Ефимовича Кертмана «Законы исторических ситуаций». В данной работе автор большое внимание уделяет такому методу познания общественных явлений, как сопоставление исторических ситуаций. На основе трудов В.И. Ленина Л.Е. Кертман формулирует принципы определения как самих исторических ситуаций, так и сравнения их между собой. В основе этих принципов, по Е.Л. Кертману, лежат следующие рекомендации:

– при исследовании конкретных исторических ситуаций следует использовать абстракции более низкого уровня, чем при исследовании систем, к примеру,

таких, как особенности капитализма в Англии и России. Как писал в 1917 г. В.И. Ленин, «подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции» [5, с. 17]. Прямое «накладывание» общего закона на конкретную ситуацию неизбежно приводит к ошибке в анализе реального хода истории. Абстрагирование от реальных зигзагов истории, вполне оправданное и необходимое для познания общих закономерностей, совершенно недопустимо при анализе исторической реальности [3, с. 56–57];

– повторяемость ситуаций обусловлена определенным социально-экономическим тождеством, поэтому сравнивать можно только однотипные исторические ситуации, обладающие схожей социальной структурой и экономическими связями. Л.Е. Кертман предлагает ленинскую систему типологизации исторических ситуаций, базирующуюся на взаимоотношении классов и расстановке классовых сил, которые и определяют основные черты исторического этапа. Как пишет Л.Е. Кертман, «качественное, существенное изменение в расстановке классовых сил приводит к изменению исторической ситуации. Исторические ситуации могут быть отнесены к одному типу, если взаимоотношения классов в принципе одинаковы» [3, с. 59];

– необходимо придерживаться научного подхода при сравнении исторических ситуаций и делать выводы об отнесении различных ситуаций к одному типу только после предварительной проверки условий сопоставимости ситуаций. «В противном случае всякое сопоставление лишь затемняет истину, превращается в произвольное жонглирование историческими аналогиями, которые действительно опасны, если не базируются на типологическом обобщении» [3, с. 60]. Для решения этой задачи Л.Е. Кертман предлагает сформулировать закономерности, которые будут соответствовать каждому типу ситуации и являться, по сути, законами исторических ситуаций [3, с. 61];

– законы исторических ситуаций носят эвентуальный, или возможный, характер. Весь исторический процесс состоит из конкретно-исторических ситуаций и развивается от ситуации к ситуации, при этом каждая историческая ситуа-

ция уникальна и всегда имеет несколько альтернатив развития, при этом «события могут обернуться так или иначе в зависимости от множества обстоятельств, не входящих в типологические признаки ситуации» [3, с. 62].

Из научных трудов постсоветского периода, в которых вполне обоснованно и результативно применялся метод исторических аналогий, хотелось бы отметить монографию профессора, доктора исторических наук Дмитрия Георгиевича Красильникова «Межсистемные политические ситуации в России в XX веке: проблемы теории и истории» [4], опубликованную в 2001 г. Автор проводит сравнительный анализ двух политических кризисов: 1917–1918 и 1991–1993 гг. – через призму сравнения их межсистемных характеристик, через описание властных системных и несистемных структур, которые формировались в переходные периоды, предшествовавшие крайним точкам слома государственного устройства и формирования новой политической реальности. В этой работе, как и в статье Л.Е. Кертмана, акцент сделан на сравнительном исследовании конкретно-исторических ситуаций и их внутриситуационных характеристик.

При этом и Л.Е. Кертман, и Д.Г. Красильников в своих работах ограничивают исследуемые исторические периоды определенными хронологическими рамками, рассматривают их как уже исторически сложившиеся локальные ситуации, в то время как при изучении вопроса о роли органов государственной безопасности в периоды системных кризисов XX в. основная задача состоит в анализе длящегося во времени стадийного процесса, исследование которого необходимо начинать задолго до начала кризисных событий. Только в этом случае можно объективно оценить как эволюцию и состояние самих органов политической безопасности в предкризисный и кризисный периоды, так и эффективность их деятельности в моменты разрушения государственного строя. В этом ключе поставленная цель может быть рассмотрена как следующий этап в развитии идей Л.Е. Кертмана и Д.Г. Красильникова о применении метода исторических аналогий при исследовании не только конкретно-исторических ситуаций, но и более длительных исторических процессов.

Системные кризисы XX в. (1917 и 1991 гг.) действительно во многом схожи. Здесь и проблемы экономического характера (как фактор роста социальной напряженности и сокращения расходов на поддержание лояльности различных военно-политических групп и общественных структур – от элит, армии и спецслужб до национальных или республиканских окраин), и идеологический кризис, и оппортунизм самих элит, и политическая слабость главы государства. Тем не менее при общей схожести социальных, экономических и политических характеристик системных кризисов начала и конца XX в. довольно сложным и слабо раскрытым остается вопрос, по каким причинам политическая полиция Российской империи и КГБ СССР допустили государственные перевороты, в результате которых произошла ликвидация самих этих органов. Было ли это умышленным политическим «самоубийством» или в подобном развитии ситуации кроется некая предопределенность и такое развитие событий является закономерным при определенных обстоятельствах и уже не зависит ни от уровня компетенции ответственных лиц, ни от их стремления сохранить существующий государственный строй? Однозначно ответить на эти вопросы довольно сложно, для этого необходимо, как минимум, обладать большим объемом внутрисистемной информации, часть которой до сих пор засекречена. Однако именно применение метода исторических аналогий в процессе исследования работы органов политической безопасности России, действовавших на различных исторических этапах, но в схожих социально-политических и экономических условиях, может позволить взглянуть на данную проблему под другим углом.

Оставляя попытки сформулировать конкретные ответы на поставленные вопросы более масштабному исследованию, приведем один интересный сравнительный факт, который может лечь в основу дальнейших научных поисков и размышлений.

В преддверии февраля 1917 г. и в конце 1980-х гг. органы государственной безопасности имели сведения, которые свидетельствовали о возможном скором государственном перевороте. Это подтверждается очевидцами событий и сотрудниками жандармерии Российской империи и КГБ СССР высшего эшелона.

Так, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов начальник императорской дворцовой охраны Александр Иванович Спиридович в своих воспоминаниях, подробно описывая события, предшествовавшие февральской революции 1917 г., приводит текст доклада (от 6 января 1917 г.) начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора Отдельного корпуса жандармов К.И. Глобачева министру внутренних дел А.Д. Протопопову:

«Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных вспышек, так и, несомненно, якобы, в ближайшем будущем “дворцового переворота”» [8, с. 243–244].

В свою очередь, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, бывший начальник Аналитического управления КГБ СССР, бывший заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР Николай Сергеевич Леонов в интервью 2009 г., опубликованном в интернет-журнале «Спецназ России» и посвященном вопросам о виновных в развале Советского Союза и роли КГБ в этом процессе, с первых слов говорит журналисту И. Тарасову:

«Все течение данных событий, о которых у нас с Вами пойдет речь в этом интервью, с 1988 по 1991 годы, свидетельствует о том, что дело шло к развалу великой державы, вне зависимости от вариантов, которые могли бы представиться в этом процессе».

И далее, отвечая на вопрос журналиста о сепаратизме национальных республиканских властей:

«О том, какая ситуация и что планируют “националист”» всех мастей в республиках СССР, Комитет государственной безопасности информировал ЦК партии в полном объеме!» [7].

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, полную информированность высших должностных лиц как самих органов государственной безопасности, так и правительства, процессы политической разрушительной трансформации продолжались, не встречая должного сопротивления.

Таким образом, учитывая, что государственные перевороты не явились неожиданностью для компетентных государственных органов, основной вектор дальнейших исследовательских поисков должно направить вглубь самой системы функционирования и управления этих органов, их взаимодействия с вышестоящими структурами и ответственными лицами и даже, что вполне возможно, в психологическую и идеологическую область самоидентификации их сотрудников.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 8. – М., 1955. – 728 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 10. – М., 1956. – 474 с.
3. Кертман Л.Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. – 1971. – № 1. – С. 55–68.
4. Красильников Д.Г. Межсистемные политические ситуации в России в XX веке: проблемы теории и истории. – Пермь, 2001. – 251 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – М., 1969. – 616 с.
6. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 15–24.
7. О роли личностей в истории // Спецназ России. – 2009. – № 12(159) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.specnaz.ru/articles/159/2/1061.htm>. (дата обращения: 20.03.2024).
8. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. – Нью-Йорк, 1962. – 364 с.

УДК 001, 39, 572

DOI: 10.24412/2308-7196-2024-2-128-147

Смертин Павел Романович

аспирант

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет**Пермь, Россия**614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: paulsmert@mail.ru***АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ
НОМЕНКЛАТУРЕ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ****Pavel R. Smertin**

Postgraduate Student

*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia**614990, Perm, 24, Sibirskaya, e-mail: paulsmert@mail.ru***ANTHROPOLOGY IN THE RUSSIAN
NOMENCLATURE OF SCIENTIFIC SPECIALTIES**

Аннотация. Рассматривается вопрос регламентации биологической антропологии в советских и российских номенклатурах научных специальностей. Это позволит под новым углом взглянуть на позицию биологической антропологии в кругу «родственных» наук, сделать некоторые попытки очертить научные границы, актуализировать вопросы двойственного понимания термина «антропология». С формальной точки зрения биологическая антропология успела «побывать» как среди биологических, так и среди исторических наук. В российской номенклатуре сегодня существуют две специальности, в паспортах которых закреплены биоантропологические темы и фигурирует термин «антропология»: 3.3.1 Анатомия и антропология (медицинские, биологические науки), 5.6.4 Этнология, антропология и этнография (исторические науки). Вероятно, это связано со способностью биологической антропологии решать вопросы как биологического, так и исторического характера и с дуалистическим пониманием термина «антропология».

Ключевые слова: антропология, номенклатура, научная специальность, науковедение, биоантропология, этнография, этнология.

Abstract. The article considers the issue of regulation of biological anthropology in the Soviet and Russian nomenclatures of scientific specialties. This will allow us to take a fresh look at the position of biological anthropology in the circle of related

sciences, make some attempts to delineate scientific boundaries, and actualize the issues of the dual understanding of the term ‘anthropology’. From a formal point of view, biological anthropology was among both biological and historical sciences. In the Russian nomenclature today there are two specialties, in the passports of which bioanthropological topics are fixed and the term ‘anthropology’ appears: 3.3.1 Anatomy and anthropology (medical, biological sciences), 5.6.4 Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences). Perhaps this is due to the ability of biological anthropology to solve issues of both a biological and historical nature and to the dualistic understanding of the term ‘anthropology’.

Key words: anthropology, nomenclature, science specialization, science studies, bioanthropology, ethnography, ethnology.

Введение

Появлению термина *антропология* мы обязаны эпохе античности. Это понятие впервые было использовано Аристотелем как обозначение духовной стороны природы человека. Сегодня *антропология* (как наука) получает некоторое неопределенное значение, нередко под этим термином понимается сочетание разных направлений исследования: от биологической природы человека – к социально-культурному аспекту. Здесь прослеживается утвердившееся понимание человека как «биосоциального существа».

Многие выдающиеся биологи-антропологи, занимающиеся в том числе вопросами происхождения рода *Номо*, с таким определением сущности человека не согласны. Позволим себе процитировать мнение А.А. Зубова: «...человек есть биологический объект с развитыми социальными функциями, производными от специфического биологического субстрата. Биологическое и социальное суть не две стороны человеческой сущности, а две стороны жизнедеятельности, причем ведущим началом является развивающаяся биологическая модель с ее обширными функциональными возможностями. Нет никакой двойственности, никакого раздвоения сущности в природе человека. Род *Номо* в основе своей един, хотя деятельность его во все времена разнообразна и имеет тенденцию к усложнению...» [15, с. 30].

В этом высказывании прослеживается философский подход в ответе на вопрос о сущности *человека*. Постараемся в своей работе настолько же лаконично

ответить на проблемный вопрос о сущности *антропологии* как науки о человеке через анализ номенклатур научных специальностей. Таким образом, наша работа приобретает науковедческий и гносеологический характер.

Таким подходом пользуются многие исследователи для изучения истории становления и дифференциации (или наоборот – синтеза) наук [См., например: 6; 11; 22; 26; 37].

Это исследование способно осветить лишь вершину айсберга, определить особенности статуирования науки, лишь наметить проблему, поскольку глобальный вопрос сущности и границ *антропологии* сложен и связан с историей развития общемировой науки и с различными подходами, поэтому он не может быть раскрыт в рамках одной статьи.

Понятие антропологии

Оценить степень разработанности проблемы определения сущности *антропологии* и ее места в системе научного знания довольно тяжело. «Создается впечатление, что мы уклоняемся от этого вопроса именно в тот момент, когда приступаем к его рассмотрению», – писал К. Леви-Стросс [25, с. 305]. Сегодня абсолютно дуалистически, согласно диалектике Гегеля, когда «А» и «Б» существуют одновременно, науке известны и «две *антропологии*»: биологическая (биоантропология) и социальная (культурная).

Антропология – это биологическая наука о биологической изменчивости человека во времени и пространстве [2; 35]. Так принято трактовать значение этого термина в кругу биологов, занимающихся изучением человека как биологического организма, а группу людей – как популяцию.

Иное значение антропологии предлагают исследователи, вложившие в нее социокультурный смысл. В западной научной традиции под *антропологией* нередко понимается целый комплекс наук – археология, этнография, собственно антропология (в любом ее значении). Этот подход был прочно обоснован К. Леви-

Строссом [25]. Так, *социальная антропология* занимается по большей части изучением социальных установлений, рассматриваемых как системы представлений, а *культурная антропология* – исследованием средств, обслуживающих социальную жизнь общества, а в известных случаях также социальных установлений, рассматриваемых как такие средства [Там же, с. 9]. Иными словами, при изучении человека объектом этих наук становится социокультурный компонент человека, а не его биологическое начало. Впрочем, термины *социальная антропология* и *культурная антропология* очень близки и часто используются синонимично или совместно [33] и название в большей степени зависит от научной традиции.

В современной науке мы можем обнаружить практически любое сочетание с понятием *антропология*, которое используется для обозначения и без того гуманитарных (т. е. направленных на человека) областей научного знания: социальная антропология, культурная, гендерная, историческая, философская, политическая, педагогическая, городская и т. д. Конечно, тут существует некоторый парадокс, что тогда с этой точкой зрения любую науку о человеке можно назвать *антропологией* – анатомию, психологию, физиологию, гигиену?

На сегодняшний день под термином *антропология* могут сосуществовать различные науки: биоантропология, этнография и этнология, социология, история, религиоведение и даже культурология. Запутанности добавляют работы, в которых сделаны попытки разобраться в проблеме, но которые направлены на слияние различных наук в единую (используются словосочетания «общая антропология», «сумма антропологий») [См., например: 29]. На наш взгляд, необходимо сохранять научные границы.

Нужно ли говорить, что изначальное определение науки *антропология* означало изучение именно биологических особенностей человека (конечно, в т. ч. в связи с социокультурными факторами)! На заре антропологии последователями основателя науки – французского ученого-антрополога Поля Брока определялась главенствующая роль биологических вопросов: морфологии человека, антропо-

генеза, расоведения – в гармоничном сочетании с изучением языка, этносов. Последнему отдавалась меньшая роль [38], поскольку эти вопросы считались областью знаний этнографии и этнологии. Теперь же антропологи, изучающие изменчивость человеческого организма во времени и пространстве, вынуждены прибавлять уточняющее прилагательное – *физическая* или *биологическая* (антропология).

«Полная характеристика предполагает знакомство как с физическим типом, так с языком и бытом, но очевидно, что это не тождественные объекты изучения, требующие различной подготовки со стороны исследователя, а потому должностующие по преимуществу изучаться различными группами специалистов», – писал Д.Н. Анучин, определивший в свое время актуальность мультидисциплинарных исследований, союз различных наук – биологической антропологии, археологии и этнографии [4; 5, с. 66].

Возвращаясь к определению *антропологии* в нашей стране, обратимся к энциклопедическому обозначению этого термина.

Как следует из первого издания Большой советской энциклопедии, *антропология* – это учение о человеке, его распространении по земле, его разнообразиях, связи с животным миром, происхождении, расовых, возрастных, половых и других отличиях. Таким образом, антропология в собственном смысле не что иное, как естественная история человеческого рода¹. Далее также следует указание на «широкое» понимание антропологии в общемировой науке, не только как «естественной истории человека», но и как этнографии и этнологии, социологии, части философских направлений, определяемых, однако, отдельными (и дифференцированными друг от друга и от биоантропологии, в частности) науками.

Следующее весьма лаконичное определение *антропологии* дается во втором издании Большой советской энциклопедии²: «наука о телесной природе и происхождении человека и его рас». Затем приводится некоторое уточнение:

¹ Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 3. 1-е изд. М. : Сов. энциклопедия. 1926. С. 115–123.

² Большая советская энциклопедия / гл. ред. С.И. Вавилов. Т. 2. 2-е изд. М. : Большая сов. энциклопедия. 1950. С. 535–539.

«...в англо-американской буржуазной науке в предмет антропологии включается также этнография и доисторическая археология. В марксистской науке такое сбивчивое понимание антропологии отвергается, хотя как этнография, так и археология в ряде вопросов соприкасаются с антропологией». Как мы видим, в этом издании энциклопедии авторы склонны более настойчиво проводить дифференциацию не только между науками, но и между отечественным и западным подходами к ней. То же происходит и в третьем издании энциклопедии³, где *антропология* определяется наукой о происхождении и эволюции человека, об образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека.

По определению современной Большой российской энциклопедии, *антропология* – это совокупность дисциплин, изучающих человека, его физическую (биологическую) и психическую организацию, социальную деятельность и культуру [33]. Здесь мы можем увидеть некоторое «широкое» понимание этой науки. Правда, далее следует разделение на два подраздела внутри энциклопедической статьи: «Социальная (культурная) антропология» и «Биологическая (физическая) антропология».

Такое понятие дается в одном из паспортов научной специальности 03.03.02 *Антропология*: «Антропология – наука о человеке, занимающая пограничное положение в системе дисциплин естественного и гуманитарного циклов, изучающая биологию человека, этнографию, физическую организацию человека и ее изменчивость во времени и пространстве»⁴. Неоднозначность и сложность значения *антропологии* прослеживается и в работах Б.М. Кедрова, где показано отнесение различными исследователями этого термина в область то биологических, то гуманитарных наук [18; 19; 20].

³ Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 2. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия. 1970. С. 107.

⁴ Паспорт специальности 03.03.02 Антропология. М., ВАК. Архив паспортов научных специальностей ВАК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/316> (дата обращения: 15.05.2024).

Антропология в номенклатуре научных специальностей

Попробуем разобраться в определении границ антропологии (антропологий?), изучив отечественную *номенклатуру научных специальностей*, в которой немало доказательств близости и одновременной дифференциации биоантропологии и этнографии (будущей социальной (культурной) антропологии), что отражено также и в истории становления этих наук [См. подробнее об истории антропологии: 7; 8; 14; 23; 28; 32]⁵.

Нахождение *биоантропологии* в лоне биологии и ее возможности в разрешении вопросов исторического и биологического характера определяет ее некое пограничье в номенклатуре научных специальностей (рис.).

Рис. Антропология в отечественной номенклатуре научных специальностей

Многие биоантропологи защищали диссертации по *историческим* или *биологическим* наукам, что традиционно позволяла специальность *антропология* (биологическая). Но в советских и российских номенклатурах научных специальностей *антропология* располагалась то в группе исторических, то в группе биологических наук. За более чем вековую историю номенклатура неоднократно менялась.

⁵ В рубрикаторе ГРНТИ, например, все биоантропологические направления четко дифференцированы от этнологических и медицинских и расположены в категории 34 (биология). ГРНТИ – Государственный рубрикатор научно-технической информации. 2007–2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://grnti.ru/> (дата обращения: 08.05.2024).

Советская система присуждения ученых степеней зародилась в 1925 г., а первая номенклатура научных специальностей была создана в 1934 г. Всего существует 11 номенклатур научных специальностей СССР (1934, 1937, 1953, 1957, 1962, 1963, 1969, 1972, 1977, 1984, 1988 гг.) и шесть номенклатур научных специальностей РФ (по годам: 1995, 2000, 2001, 2009, 2017, 2021).

1934, 1937 гг. Как таковая номенклатура еще не оформилась, более того, даже не использовался термин «номенклатура». В постановлениях отражены лишь отрасли научных знаний, в т. ч. интересующие нас биологические науки и исторические науки^{6, 7, 8}. Возникла проблема классификации наук и деления их на научные отрасли.

1953 г. После довольно длительного перерыва появляется действительно *номенклатура специальностей* (впервые официально использован этот термин), разделенная по отраслям научного знания. Фактически именно с 1953 г. в отечественных номенклатурах начинают параллельно существовать две научные специальности – *антропология* и *этнография*⁹.

В группе VIII. Биологические науки, в подгруппе 108. Общая биология, мы можем найти искомую специальность – *антропология* (отдельно также выделен *дарвинизм*).

Здесь же появляется специальность 12. *Этнография*, расположенная в группе II. Исторические науки (отдельно выделена специальность «История и этнография народов Крайнего Севера» в подгруппе 7. История СССР).

1957 г. Специальность 10. Антропология располагается в группе 3. Биологические науки (с возможностью защиты только по биологическим наукам), 10.

⁶ Постановление СНК СССР от 13 января 1934 № 79 «Об ученых степенях и званиях».

⁷ Инструкция Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР «О порядке применения Постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. “Об ученых степенях и званиях”» (утв. СНК СССР 10.06.1934).

⁸ Постановление СНК СССР от 20 марта 1937 № 464 «Об ученых степенях и званиях».

⁹ Номенклатура специальностей по научно-педагогической или научно-исследовательской работе для планирования потребности, подготовки и повышения квалификации и проведения учета научно-педагогических кадров высших учебных заведений СССР // М-во культуры СССР. М., 1953. 28 с.

Этнография – в группе 7. Исторические науки (с возможностью защиты по историческим наукам)¹⁰.

1962 г. Коренных изменений в искомым специальностях не произошло¹¹.

1963 г. С принятием новой номенклатуры научных специальностей происходят значимые перемены. Теперь специальности 576. Этнография и 578. Антропология расположились среди исторических наук (группа VII)¹².

Появляется некоторое двойственное положение антропологии. К сожалению, сегодня сложно сказать о мотиве принятия решения перенести *антропологию* в группу исторических наук. Вероятно, здесь наибольшее влияние оказала способность *антропологии* решать вопросы не только биологического, но и исторического характера (например, изучение процессов этногенеза, миграций, автохтонности, формирования биологических особенностей народов и т. д.).

1969 г. В этой редакции номенклатуры лишь незначительно трансформировался шифр специальностей: 07.576 Этнография и 07.578 Антропология¹³.

1972 г. Спустя три года номенклатура обновляется. В отношении анализируемых нами специальностей вновь происходят значительные изменения¹⁴. Так, специальности приобретают шифры, с которыми они будут существовать более 35 лет: 03.00.14 Антропология (шифр будет изменен лишь в 2009 г.) и 07.00.07 Этнография (шифр будет изменен лишь в 2021 г.).

Специальность *этнография* остается в группе исторических наук с возможностью присуждения степени по историческим наукам, а специальность *антропология* вновь попадает в группу биологических наук (с правом получения степени как по биологическим, так и по историческим наукам).

¹⁰ Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 19 декабря 1957 г. № 1332 «Об утверждении номенклатуры специальностей аспирантской подготовки и перечня специальных предметов кандидатских экзаменов».

¹¹ Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 13 октября 1962 г. № 345 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹² Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 11 мая 1963 г. № 155 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹³ Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 23 сентября 1969 г. № 701 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹⁴ Постановление ГКНТ СССР от 28 июля 1972 № 385 «О номенклатуре специальностей научных работников».

Новые редакции номенклатур специальностей **1977, 1984, 1988** гг. *этнографии* и *антропологии* не коснулись^{15, 16, 17}.

1995 г. Распад Советского Союза и появление новых течений в отечественной науке повлияли на необходимость создания новой номенклатуры, которая привнесла серьезные перемены в классификацию¹⁸.

Появляются целых три специальности, включающие в себя термин *антропология*: 03.00.14 Антропология (именно в понимании как *биологическая антропология* фактически неизменно с 1972 г. с возможностью защиты по историческим и биологическим наукам), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология (с возможностью защиты по историческим наукам), 09.00.13 Философская антропология и философия культуры (философские и социологические науки).

Появление «других» антропологий связано с зарубежной концепцией названия наук. Так, смешались классическое понимание их границ – отдельно *этнографии* и отдельно *антропологии* и зарубежное понимание термина *антропология*. Последнему придается «широкий» смысл, т. е. все науки, направленные на изучение человека.

Что касается соотношения *этнографии* и *этнологии*, в научной среде уже давно наметилась тенденция терминологического перехода от этнографии (народоописания) к этнологии (науке об этнических процессах). С одной стороны, под этнографией понимается полевой этап изучения народов, буквально – описательная часть, а под этнологией – уже научное, теоретическое осмысление, часто противопоставляемое этнографии [См. например: 25]. С другой стороны, под этнографией (вопреки ее чисто лексическому значению) многими исследователями давно уже понимается не столько описание, сколько народоведение (наука!), т. е.

¹⁵ Постановление ГКНТ СССР от 25 мая 1977 № 231 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹⁶ Постановление ГКНТ СССР от 19 июля 1984 г. № 423 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹⁷ Постановление ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников».

¹⁸ Приказ Миннауки России от 28 февраля 1995 г. № 24 «О номенклатуре специальностей научных работников (с изм. и доп. на 10 июля 1996 г.)».

теоретическое осмысление результатов полевого исследования, что исключает необходимость использования термина *этнология* [17, с. 5]¹⁹.

Специальность 07.00.07 *Этнография, этнология и антропология* в редакции номенклатуры 1995 г. преобразована из «советской» специальности 07.00.07 *Этнография* (специальность была переименована, шифр остался неизменным, как и возможность присуждения ученой степени лишь по историческим наукам). Эта специальность получила абсолютно биоантропологические области исследований: антропогенез, палеоантропология, этнологическая антропология, этническая антропология, возрастная антропология²⁰.

Специальность 09.00.13 *Философская антропология и философия культуры* является частью философии, направлена на изучение сущности человека. Эта специальность сохраняется (с некоторыми незначительными для нашей работы изменениями) до последней существующей номенклатуры научных специальностей²¹, поэтому в данной работе мы не будем к ней более обращаться.

Специальность 03.00.14 *Антропология* в данной редакции номенклатуры остается неизменной, располагается в группе биологических наук и понимается как наука об изменчивости человеческого организма во времени и пространстве.

2000 г. Специальности 07.00.07 *Этнография, этнология и антропология* и 03.00.14 *Антропология* не редактируются. Лишь для специальности 03.00.14 *Антропология* была добавлена возможность присуждения степени не только по биологическим и историческим наукам, но и по медицинским и ветеринарным

¹⁹ См. также: Большая советская энциклопедия / гл. ред. С.И. Вавилов. Т. 49. 2-е изд. М. : Большая сов. энциклопедия. 1950. С. 256.

²⁰ Паспорт специальности 07.00.07 *Этнография, этнология и антропология*. Архив паспортов научных специальностей ВАК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/316> (дата обращения: 15.05.2024).

²¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 20 декабря 2022 г. № 1278 «О внесении изменений в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденную приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, и в соответствии направлений подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) научным специальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, установленное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 786».

наукам²². Что касается ветеринарных наук, вероятно, подразумеваются медицинские вопросы взаимоотношения человека и животных [27].

2001 г. По специальности 03.00.01 *Антропология* теперь существует возможность защиты лишь по биологическим, историческим и медицинским наукам. Остальное остается неизменным²³.

2009 г. С утверждением новой номенклатуры 2009 г. перемены коснулись обеих специальностей: 07.00.07 *Этнография* – перенесена в группу «Гуманитарные науки», в подгруппу «Исторические науки и археология», 03.03.02 *Антропология* – кроме смены шифра, остается в группе биологических наук, но в подгруппе «Физиология»²⁴. Создание подгрупп отражает более дробное деление новой номенклатуры. Остальные аспекты внутри специальностей остались прежними.

2017 г. Изменения минимальны. Специальность 03.03.02 *Антропология* располагается в группе «Физиология», 07.00.07 *Этнография* – в группе «История и археология» (ликвидировано деление на подгруппы).

2021 г. Существенные изменения происходят с принятием новой номенклатуры²⁵. Исключается (!) отдельная специальность *антропология*. Теперь она соединена с новой специальностью 5.6.4. *Этнология, антропология и этнография*, которая была преобразована из специальности 07.00.07 *Этнография, этнология и антропология*. Поэтому здесь появляется возможность присуждения ученой степени по биологическим и историческим наукам, а биоантропологические направления исследований (расположенные в одном ряду с этнологическими)

²² Приказ Министерства науки и технологий Российской Федерации от 25 января 2000 г. № 17/4 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников».

²³ Приказ Минпромнауки РФ от 31.01.2001 № 47 «Об утверждении номенклатуры специальностей научных работников».

²⁴ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени (с изменениями на 8 июня 2017 г.)».

²⁵ Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093».

звучат так: эволюционная антропология, палеоантропология, возрастная антропология, конституциональная антропология, биологическая и социальная адаптация человеческого организма, географический и исторический полиморфизм человечества.

Нужно отметить, что в номенклатуре 2021 г. в специальности 3.3.1. *Анатомия человека* (по медико-биологическим наукам, с возможностью присуждения ученой степени только по медицинским наукам) зафиксировано направление исследований «медицинские и биологические аспекты антропологии». Совершенно очевидно, что место антропологии внутри этой специальности вызывает вопросы, поскольку *анатомия* – это наука про человеческий организм в «статике», а *антропология* – про изменчивость человеческого организма во времени и пространстве, т. е. в динамическом проявлении.

2022 г. Возможно, по этим причинам специальность *Анатомия человека* была преобразована в редакции номенклатуры 2022 г.²⁶ (это самая актуальная версия на сегодняшний день) и, сохранив прежний шифр, получила название 3.3.1 *Анатомия и антропология*²⁷. Теперь, оставаясь в группе медико-биологических наук, появилась возможность присуждения научной степени как по биологическим, так и по медицинским наукам, а в направлениях исследований указаны биоантропологические темы, например: антропометрия, эволюционная антропология, палеоантропология, возрастная антропология и др.²⁸

²⁶ Номенклатура осталась прежней, в нее были внесены лишь некоторые изменения.

²⁷ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 20 декабря 2022 г. № 1278 «О внесении изменений в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденную приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, и в соответствии направлений подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) научным специальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, установленное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 786».

²⁸ Паспорт специальности 3.3.1 Анатомия и антропология. Официальный сайт ВАК [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials~ (дата обращения: 15.05.2024).

Поэтому после появления «собственной» биоантропологической специальности (пусть и совместно с анатомией) специальность 5.6.4. *Этнология, антропология и этнография* потеряла возможность присуждения ученой степени по биологическим наукам. Располагается среди исторических отраслей. В рамках этой специальности остается достижимым получение ученой степени лишь по историческим наукам, хотя в направлениях исследования оставлены биоантропологические темы (наряду с этнологическими)²⁹.

Таким образом, мы вновь приходим к некоторому дуализму. То есть сегодня возможна защита по одним и тем же темам (например, палеоантропологии), но в рамках разных специальностей: 3.3.1 *Анатомия и антропология* и 5.6.4 *Этнология, антропология и этнография*. С формальной точки зрения под шифром 3.3.1 подразумевается медицинский и биологический аспекты антропологии, а под шифром 5.6.4 – исторический.

Примеры биоантропологических работ

Возьмем для иллюстрации возможности защиты как по историческим, так и по биологическим наукам в рамках биоантропологии научные степени и темы диссертаций некоторых докторов исторических наук и докторов биологических наук. Доподлинно неизвестно, кого среди всех известных нам биоантропологов больше – докторов (и кандидатов) исторических или биологических наук³⁰.

Доктора исторических наук: М.Г. Левин «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока» (1958) [24], В.П. Алексеев «Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с вопросами их происхождения» (1966) [3], А.А. Зубов «Антропологическая одонтология как источник информации исторического характера» (1970) [15] и др.

²⁹ Паспорт специальности 5.6.4 Этнология, антропология и этнография. Официальный сайт ВАК [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials~ (дата обращения: 15.05.2024).

³⁰ По нашим подсчетам на основе данных сайта «Sapiens: антропология, биоархеология» (режим доступа: Sapiensbio.ru), соотношение составляет примерно 1:1, что, вероятно, достаточно объективно освещает картину (дата обращения: 15.05.2024).

Доктора биологических наук: Г.Ф. Дебец «Палеоантропология СССР» (1941) [12], Я.Я. Рогинский «Некоторые антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека» (1946) [30], Дерябин В.Е. «Морфологическая типология телосложения мужчин и женщин» (1993) [13] и др.

Известны и некоторые «сочетания», когда кандидатская диссертация защищается, например, по биологическим наукам, а докторская – по историческим: Г.Л. Хить (кандидатская (биологические науки): «Возрастная динамика основных расоводиагностических признаков у человека во взрослом состоянии», 1963; докторская (исторические науки): «Дерматоглифика народов СССР», 1984) [34; 35], С.В. Васильев (кандидатская (биологические науки): «Сравнительный анализ коммуникаций у представителей различных таксонов приматов» (1992), докторская (исторические науки): «Дифференциация плейстоценовых гоминид», 1999) [9; 10].

Также многие биоантропологи защищают свои диссертации по смежным наукам, часто – по археологии. Например, биоантропологическая кандидатская работа А.Н. Абрамовой 2022 г. «Население Прикубанья раннего железного века по данным скелетной системы (VI в. до н. э. – III в. н. э.)» [1] и биоантропологическая кандидатская работа М.С. Кишкурно 2023 г. «Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным)» [21]. Защита диссертационных работ по смежным специальностям связана с юридическими нюансами обучения на непрофильных направлениях подготовки. В научном сообществе шифр специальности не всегда считается важным.

Заключение

В современной антропологии еще остается много нерешенных проблем. До сих пор требует разрешения вопрос об определении границ антропологии в современной отечественной и мировой науке. Сохраняется некоторый дуализм в понимании термина *антропология*.

Многоаспектность биологической антропологии отражена и формально – в номенклатурах научных специальностей СССР и РФ. Так, в различных редакциях *биологическая антропология* успела «побывать» как среди исторических, так и среди биологических наук. При этом почти всегда существовала возможность присуждения ученой степени и по биологическим, и по историческим наукам. Это связано с многоаспектностью *биоантропологии* и ее способностью решать вопросы как биологического, так и исторического характера. Хотя нет никаких сомнений, что *биоантропология* является наукой **биологической**.

В актуальной редакции российской номенклатуры³¹ возможность защиты по биоантропологической тематике существует по двум **разным** специальностям: 3.3.1 *Анатомия и антропология* (медико-биологические науки, с возможностью защиты по медицинским и биологическим наукам – диссовет расположен в МГУ) и 5.6.4 *Этнология, антропология и этнография* (исторические науки, с возможностью защиты только по историческим наукам – диссоветы расположены в ИЭА РАН и Кунсткамере). Здесь мы вновь приходим к некоторому диалектическому дуализму.

В целом формальный вопрос шифра не всегда всерьез воспринимается в научной среде, и многие биоантропологи защищают свои диссертации по другим специальностям, а биоантропологи, защитившие диссертацию по биоантропологической специальности, имеют степени как по историческим, так и по биологическим наукам. Гораздо более важен вопрос подхода к пониманию границ *антропологии* и значения этого термина в науке.

Список литературы

1. Абрамова А.Н. Население Прикубанья раннего железного века по данным скелетной системы (VI в. до н.э. – III в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2022. – 326 с.

³¹ На момент II квартала 2024 г.

2. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М. : Наука, 1989. – 448 с.
3. Алексеев В.П. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1966.
4. Анучин Д.Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // Русский антропологический журнал. – М. – 1900. – № 1.
5. Анучин Д.Н. О задачах и методах антропологии // Русский антропологический журнал. – 1902. – № 1. – 28 с.
6. Балеевских Л.С., Муранов А.И. Отечественная история нормативной регламентации номенклатур специальностей научных работников применительно к юриспруденции // Правоведение. – 2008. – № 5. – С. 243–259.
7. Бужилова А.П., Негашева М.А., Сухова А.В. Кафедре антропологии МГУ – 100 лет (этапы становления и развития профессионального образования) // Вестник Московского университета. Сер. 23. Антропология. – 2019. – № 3. – С. 1011–27.
8. Бужилова А.П. Антропология в фокусе социального времени. Ч. 1. Пионеры и основатели науки // Вестник Московского университета. Сер. 23. Антропология. – 2022. – С. 5–22.
9. Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999. – 203 с.
10. Васильев С.В. Сравнительный анализ коммуникаций у представителей различных таксонов приматов : дис. ... канд. биол. наук. – М., 1992. – 191 с.
11. Габов А.В., Мацкевич И.М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2(35). – С. 18–28.
12. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР : дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1941.
13. Дерябин В.Е. Морфологическая типология телосложения мужчин и женщин : дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1993. – 290 с.
14. Ефимова С.Г. Д.Н. Анучин – «собиратель русской науки» // Вестник Московского университета. Сер. 23. Антропология. – 2009. – № 1. – С. 5–16.

15. Зубов А.А. Антропологическая одонтология как источник информации исторического характера : дис. д-ра ист. наук. – М., 1970. – 582 с.
16. Зубов А.А. О сущности феномена Человека // Вестник антропологии. – 2013. – № 4(26). – С. 29–31.
17. Итс Р.Ф. Введение в этнографию : учебное пособие. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 160 с.
18. Кедров Б.М. Классификация наук I. Энгельс и его предшественники / ВПШ и АОН при ЦК КПСС. – М., 1961. – 472 с.
19. Кедров Б.М. Классификация наук II. От Ленина до наших дней. – М. : Мысль, 1965. – 544 с.
20. Кедров Б.М. Классификация наук III. Прогноз К. Маркса о науке будущего. – М. : Мысль, 1985. – 544 с.
21. Кишкурно М.С. Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным) : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2023.
22. Кононова С.В. Эволюция научных педагогических специальностей в России (1855–2009 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 2.
23. Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Новая серия. Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
24. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1957. – 359 с.
25. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с англ. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
26. Мацкевич И.М. Анализ законодательства советского периода в сфере аттестации научных кадров // Информационный портал «Образовательное право». Законодательство об образовании. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/vvedenie-v-teoriyu-obrazovatelno-go-](https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/vvedenie-v-teoriyu-obrazovatelno-go)

prava/istoriya-attestatsii-nauchnykh-kadrov/analiz-zakonodatelstva-sovetskogo-perioda-v-sfere-attestatsii-nauchnykh-kadrov/ (дата обращения: 06.03.2024).

27. Орехов Д.А. Ветеринария // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/veterinariia-531e5e/?v=6510174> (дата публикации: 09.03.2023; дата обращения: 16.05.2023).

28. Пежемский Д.В. Что такое палеоантропология? Ч. 1. Введение // рубрика Антропология // Архео. – М. – 2011. – С. 72–83.

29. Резник Ю.М. Общая антропология: к определению границ предметной области // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3-1. – С. 162–170.

30. Рогинский Я.Я. Некоторые антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. – М., 1946.

31. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология : учебник для студентов ун-тов. – М. : Высш. шк., 1978. – 528 с.

32. Соловей Т.Д. Институализация науки в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2003. – № 6. – С. 3–38.

33. Тишков В.А., Перевозчиков И.В., Бужилова А.П. Антропология // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/antropologiiia-5983e6/?v=5891505> (дата публикации: 20.10.2022; дата обновления: 01.02.2023; дата обращения: 16.05.2024).

34. Хить Г.Л. Возрастная динамика основных расово-диагностических признаков у человека во взрослом состоянии : дис. ... канд. биол. наук. – М., 1963. – 234 с.

35. Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР : дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1983. – 280 с.

36. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология : учебник. – 4-е изд. – М. : Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 400 с.

37. Ягудаева И.А. Эволюция специальностей научных работников по историческим наукам в России (1819–2001 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 321–325.

38. Topinard P. Anthropology. – London : Chapman and Hall; Philadelphia : J.B. Lippincott and Co., 1878. – 600 p.

Электронное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

Гуманитарные и общественные науки

ВЫПУСК 2, 2024

Электронный научный журнал

Ответственный редактор серии
Краузе Александра Анатольевна
Ответственный секретарь серии
Габриель Наталья Леонидовна

Дата размещения на сайте: 29.08.2024

Редактор *М.Г. Коровушкина*
Технический редактор *Д.Г. Григорьев*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Пушкина, 44, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru